

Переводчик — Наталья Полозова

Редактор и сверщик — Анастасия Конотон

Вычитчик — Ketty Lion

Обложка Наталия Айс

Глава 1.

Я устало потащила вверх по лестнице, остановившись на полпути к последнему пролету, ведущему на третий этаж. Было бы не так тяжело, если бы не рюкзак и две сумки с продуктами, которые я тащила, но несмотря на то, что это держало мои икры в тонусе, иметь комнату на последнем этаже общаги было ужасно. За такую плату за обучение в Мултри могли бы и лифт установить.

Конечно, над нами не было никого, кто мог бы все время шуметь, и вид на кампус был славный, но хотя бы раз я бы хотела пройти через холл прямо к своей двери (без лестниц!) и оказаться дома.

Я открыла дверь и вошла внутрь, позволяя своим рюкзаку и сумкам упасть на пол. Геторейд можно убрать в холодильник позже. Мне просто нужно было рухнуть и отдохнуть минутку. Или час. Или пока Алекса, моя соседка по комнате и лучшая подруга, не придет домой и не разбудит меня.

Я села, стянула шлепки, и упала на кровать, вытянув руки.

— Почему я не послушалась, когда мне советовали не брать столько часов на первый семестр? — пожаловалась я в пустую комнату.

— По той же причине, что и вчера. И позавчера. И вопрос в том, почему ты не отказалась от половины предметов, пока еще было можно, тупица?

Бестелесный голос моей соседки, Алексы Мерриуэзер, донесся из — за закрытой двери ванной.

— Я думала, станет легче после нескольких недель, — ответила я.

Алекса вышла из ванной и плюхнулась на свою кровать на противоположной стороне комнаты.

— Ты слишком напряженная. Тебе нужно найти кого — то, — сказала Алекса.

— Как это работает? — ответила я.

— Потрясающе, — ответила Алекса, и широкая улыбка озарила ее лицо.

Я села.

— Да ладно! Кто?

— Грэхем. Третьекурсник. Он в команде по регби. Он из Южной Африки, — сказала она, как ни в чем не бывало, перебрасывая волосы за тонкое плечико.

— Серьезно, тот с короткими светлыми волосами? — спросила я.

— Ага.

— Как вы...?

— Знаешь того парня, Трэвора, моего друга из старшей школы?

— Да, помню его, — сказала я.

— Он тоже в команде по регби. На самом деле это вовсе не команда, а клубный спорт, но какая разница. Вчера я была в той закусочной напротив театра, «У Сэтча и Ирмы»,

ужинала, и там была кучка парней — регбистов. Только что с тренировки. Так что Трэвор пригласил меня за их столик и представил меня рекбистам. Кстати, у нас что, есть закон, по которому все парни, которые играют в регби, должны быть такими горячими? И такими придурками? Пофиг, я стою там, разговариваю с Трэвором, и они все такие классные и супер дерзкие, как все эти парни, и Грэхем начинает разговаривать со мной, и его акцент просто... я имею в виду, он мог бы сказать мне, что я жирная и страшная, и что он только что трахнул обеих моих сестер с таким акцентом, и это по — прежнему бы звучало сексуально, понимаешь? И он спрашивает меня, как долго я знакома с Трэвором, встречались ли мы, на какие классы я хожу и все такое. И его друзья начали нести чушь типа «почему бы вам двоим не найти комнату!» А он сказал им «отъебитесь, вы, кретины» и...

Мне пришлось перебить.

— Я думала, ты сказала, что он из Южной Африки. Почему ты копируешь австралийский акцент?

— Заткнись, у тебя что, степень по лингвистике? — Алекса закатила глаза. — Он сказал им перестать быть грубыми, и что он собирается последовать их совету, только вместо комнаты, он закажет нам столик. Так что мы ушли на другую сторону стойки, где у них есть эти кабинки, знаешь? И мы сидели там, ели, флиртовали, и все такое. Мы ворвались в его квартиру. Где он вытрахал из меня все дерьмо. И, между прочим, я была в лучшем настроении весь день. Так что я настоятельно рекомендую найти себе игрока в регби. Или австралийца. Или Южноафриканца. Или просто пенис с прикрепленным к нему парнем и... никакой игры слов... выпусти пар. Это *колледж*. Расслабься, — Она подняла брови.

Алекса думала, что я слишком серьезная для своего возраста. Вероятно, она права.

— Я знала, что тебя не было дома прошлой ночью, и не думала, что ты всю ночь занималась в библиотеке, но Боже, Алекса, он хоть заплатил за твой ужин? — поинтересовалась я.

— Я сама заплатила за свой ужин. Я феминистка. Но он проник внутрь на целый фут, — она усмехнулась.

— Алекса! — сказала я, закрывая лицо обеими руками. — Откуда ты знаешь, что не стала просто галочкой в его списке? Я имею в виду, если ты в порядке, то хорошо. Я просто не могу представить, как все может развиваться так быстро.

— Теперь ты, сучка, меня осуждаешь, да? Не комильфо, — ответила Алекса.

— Нет, нет, нет, прости. Я не это хотела сказать. Я рада за тебя, если ты счастлива. Я просто не настолько, не знаю, *опытна* как ты. У меня был только один парень. Коннор единственный парень, с которым я встречалась.

Коннор Эванс вырос через две двери от меня. Наши мамы позволяли нам играть вместе на заднем дворе, когда нам было по два годика. Будучи единственными ровесниками в своем районе, мы неизбежно становились все ближе и ближе друг к другу, и к средней школе мы стали странной версией пары. *Джоджо и Коннор*. Так все нас называли.

Мое имя постоянно менялось. При рождении меня назвали Жозефиной, но ребенком мой старший брат Джефф стал звать меня Джоджо, и это имя прижилось. Мои бабушка с дедушкой настаивали на Жозефине, но для остальной части семьи и для товарищей по играм я так и осталась Джоджо.

Примерно в третьем классе я решила, что Джоджо — «детское» имя, и попросила, чтобы меня звали Джо. После двух недель постоянного исправления людей, я убедила всех, кроме моего брата, звать меня Джо. Он упрямо отказывался когда — либо называть меня как

— то кроме Джоджо.

Когда я приехала в кампус колледжа Мултри, я решила начать с чистого листа и начала представляться как Джо Фолкнер, а так как никто не знал меня под другим именем, я была просто Джо. Я могла назвать себя, как хотела. В этом была прелесть выпуска из школы.

В школе я не была частью каких — либо традиционных кружков; не увлекалась ни музыкой, ни театральным искусством, спортом, конечно, тоже, но против чего — то тоже не была. Пятничными ночами меня не было на игре или на большой вечеринке. Я читала или смотрела CNN или C — SPAN. Политика занимала меня с раннего возраста, поэтому концепция развлечения не состояла в *Сайнфелд* или в *Американской семье*, она была в программах о Британском парламенте.

Из дюжины претендентов из моей школы, я одна была принята в Мултри. Мои родители, будучи выпускниками Мултри, не повлияли на это, мои оценки и результаты тестов и так позволили мне поступить без наследственного фактора.

Моей мечтой было однажды провести президентскую кампанию. Не *стать* президентом, ни шанса, чтобы я захотела этот прожектор на себе, а разрабатывать стратегию, планировать и руководить, все это звучало заманчиво для меня. Я никогда не пыталась попасть в студенческий совет, потому что это значило бы, что придется выступать с речью; выглядеть там глупо. Неа. Такое сосредоточение внимания не для меня. Я закадровая личность. Мне нравится перебирать струны за шторами жизни.

Я писала речи для одноклассников, работающих в разных сферах, и так случилось, что Скотт Кармайл стал президентом моего выпускного класса. Может быть, я этому помогла. В конце концов, он был капитаном бейсбольной команды и выглядел так, будто мог быть младшим братом Тэйлора Лотнера. Было просто получить женские голоса. Пошпынять достаточно парней, которые не качаются, чтобы получить и их поддержку, было единственной сложностью.

В благодарность он пригасил меня на свидание. У него дома, где никто не мог видеть, как он целует ботаничку, он трогал все мое тело своими большими, грубыми руками и целовал меня так, как будто действительно этого хотел. Он почти заставил меня поверить, что я проведу свой выпускной класс как член королевской банды школы Норсайд, но увы, в следующий раз, когда мы увидели друг друга в школе, перед одноклассниками, мне повезло получить его кивок, когда мы пересеклись в коридоре. Не хотел, чтобы кто — то из черлидерш не правильно понял, я думаю. Наверно остались еще одна или две, кого он не подцепил.

Ага. Даже с парнями я всегда была закадровой.

К первому курсу старшей школы, мой сосед Коннор и я стали меньше похожи на пару, но мы решили поиграть во всем известную «Я покажу тебе свое, если ты покажешь мне свое» игру. Что вылилось в «Я потрогаю тебя, если ты потрогаешь меня». К лету между одиннадцатым и двенадцатым классом это эволюционировало или *деградировало* в игру «если ты стащишь презерватив из аптечки своего отца, мы сможем узнать, что же такого в сексе».

Мы с Коннором целовались и трогали друг друга, но ничего серьезного. Спустя несколько летних недель после одиннадцатого класса, после нескольких неприятных шотов Джим Бима, который он взял из отцовского домашнего бара, мы решили дойти до конца.

После этого жизнь начала иметь для меня смысл. И не в хорошем смысле.

Мы все верили в Пасхального Кролика и Санту, но когда становились достаточно

взрослыми, выяснялось, что их не существует. Мы думали, что наше правительство хочет для нас лучшего, что оно «людьми для людей», и что, чем больше я читаю и учу, полнейшее надувательство.

И теперь я обнаружила самую большую хитрость: секс был действительно забавным. Или приятным. Или доставляющим удовольствие. Я имею в виду, я знала, что *оргазм* — это что — то великолепное; я была экспертом в том, как получить его сама. Но *секс*? Между двумя людьми? Если бы это было хоть в половину также приятно как поп — культура, и мир заставил бы тебя поверить, что население на планете Земля будет больше ста миллиардов человек, то никто никогда не занимался бы ничем, кроме секса.

Но после Коннора, я теперь знала правду. Секс это мокрое, неуклюжее, болезненное и просто...переоцененное занятие.

Поцелуи — это приятно. Обниматься, валяться на диване, обернувшись вокруг Коннора и смотреть Netflix было фантастически. Но когда он сверху пытается выяснить, как и когда вынуть, прежде чем он кончит? Или, когда его лицо *там*, царапая зубами места, которые никогда нельзя царапать зубами? Или, хуже всего, прося меня взять *это* в рот? В дрожь бросает.

Не поймите меня неправильно, фантазии все еще меня возбуждают. Но секс с Коннором был настолько ужасным, что я не могу представить, что с кем — то он мог бы быть намного лучше.

Я также переживаю, что проблема могла быть во мне.

К тому времени, как началась учеба в последнем классе, Коннор нашел другую девушку для ужасного секса, и я пресчастливо осталась одна.

Прошлым летом мое тело решило, что самое время, чтобы Жозефина Изабель Фолкнер стала женщиной. И это началось с того, что лучше всего описывается как «жирный дрищ» к «Кардашьян — лайт». Внезапно у меня появились сиськи. И задница. И бедра. Формы в тех местах, где их не было неделю назад.

И внимание было унижительным. Я пыталась претворяться, что ничего не происходило, не произошло, и я носила все ту же одежду, что и всегда. Я даже носила то же небесно — голубое бикини, которое было чуть велико два года назад, и которое пришлось идеально впору прошлым летом.

Никогда не забуду первый жаркий июньский день, когда я пришла полежать около бассейна и покопаться в Манифесте Коммунистической партии. Десять страниц и показался Джефф с двумя своими однокурсниками. Джефф приехал на каникулы из колледжа, он был раздражен, что его мелкая сестра зависала рядом с бассейном, где он и его друзья планировали выпить после обеда. Он отпустил комментарий по поводу моего выбора литературы, насколько я была странная, но я просто показала ему средний палец и улеглась поудобнее. Папа с мамой установили бассейн для нас *обоих*, а не только для него.

Вскоре его приятели (а это были парни в возрасте двадцати лет) начали оказывать мне чрезмерное внимание. Что означало хоть какое — то внимание вообще, так как я в основном была невидима для них всю свою жизнь.

На тот момент я не осознавала, что это было, но они пытались меня склеить. Что было одинаково приятно и немного страшно. Джефф понял это гораздо позже, и пришел в бешенство, напомнив им, что «Джоджо» было всего пятнадцать.

Старшие парни особо не светились на моем радаре раньше; черт, я не светилась ни на чьем радаре, так с чего бы кто — то светился на моем? Но в ту ночь мой разум бродил по

разнице между ними и парнями моего возраста. Грубые голоса, широкие плечи, щетинистые лица, больше опыта в...*некоторых вещах*.

К тому времени, как осенью началась учеба, я остро осознала, что мужское внимание возросло, и я делала все, что могла, чтобы отвести его от себя. Чем более мешковатая одежда, тем меньше людей знали, что под ней. Я могла сливаться с толпой так, как мне это нравилось.

Наверно это было из — за возраста. В конце концов, я видела парочки в кино, которые занимались сексом и им это нравилось, и они никогда не были из школы. Наверное, мне нужно было найти парня из колледжа.

Может быть, мне нужен был кто — то старше.

Было что — то сексуальное в мужчинах постарше, как-никак. Не знаю точно. Уверенность? Их тела были более развитыми и крепкими. Не знаю. Но у меня определенно было несколько учителей, посещавших мои фантазии время от времени. И сосед по комнате моего папы, Доктор Хардвик, или Джон, я знаю его, сколько помню себя...он был тем, из чего и формировались фантазии.

Буквально.

Мне исполнилось восемнадцать в середине выпускного класса. Вот тогда и начались фантазии.

Помню, когда у нас был курс по половому воспитанию в средней школе, мы выучили кое — что, что парни называют «мокрыми снами». Мне всегда казалось немного странным, что я завидовала парням, которые могут испытать реальный оргазм во сне. Мне не приходило в голову, что девушки тоже могут. До тех пор, пока это не случилось.

И достаточно странно, но это даже не был эротический сон в первый раз. Просто странный сон, в котором я была в поле в солнечный день. Я потерялась, и услышала, как меня зовет чей — то голос. Он становился более настойчивым, более требующим, называя меня по имени, и я оказалась идущей по берегу озера через водопад, и в моем сне из — за мокрой одежды, подумалось правильным ее снять. Я разделась и пошла в пещеру за водопадом, из нее раздавался голос. И внутри пещеры был Джон.

Он сидел на стуле и смотрел на меня, а потом спросил, почему я раздета. У меня не было ответа, поэтому Джон назвал меня развратной девочкой, *очень* плохой девочкой. И то, как он смотрел на меня, каким — то образом вызвало желание убежать или спрятаться, но в то же время хотелось, чтобы он смотрел на меня еще. Что было бессмысленно, но это же сон, так? Так что он продолжал говорить мне, насколько испорченной я была, насколько плохой и грязной, и следующая вещь, которую я поняла — я была возбуждена сильнее, чем когда — либо за всю мою жизнь.

А он просто продолжал смотреть на меня, как волк, как что — то голодное, и я просто кончила. Во сне! Это было настолько неожиданно. И настолько горячо. И в моем сне он спросил меня, что я делала, и когда я ответила, что кончала, он сказал, насколько разочаровался и удивился, что сделало мой оргазм еще сильнее. Я проснулась дрожа. И после этого мастурбация приняла серьезный оборот как сама концепция, так и кто был у меня в голове в этот момент.

Так что, когда мои родители привезли меня в Мултри, чтобы освоиться, и мы поужинали вместе с Доктором Хардвиком, недавно назначенным деканом факультета политологии, я поняла, что у меня проблемы.

Доктор Хардвик и мой отец были когда — то соседями по комнате с их первого дня в

Мултри, и с тех пор они стали друзьями. Джон был лучшим приятелем моему отцу, когда он женился на маме. Он занимал должность в Оксфорде в Англии до моего предпоследнего класса в школе, но спустя два года, он вернулся в свою альма — матер, что осталось неизвестным для меня. И нам неизбежно надлежало тесно сотрудничать, с тех пор как я решила продвигаться к тому, что я планировала, станет моей собственной магистерской или докторской степенью.

Джон не был женат, но по словам моих родителей из разговоров, которые я никогда не должна была услышать, у него был здоровый аппетит на женщин, и он холостяк по своему выбору, не из — за отсутствия женского внимания или возможности.

Я объясняла все это Алексе, когда она села напротив, ее идеально загорелые ноги были скрещены, пока она слушала мою жалкую сексуальную историю.

— Тогда тебе нужно расширить горизонты, детка. Найди *мужика* из колледжа, который покажет тебе, что к чему, и оставь в прошлом мальчиков из старшей школы, — настаивала Алекса.

Может быть, она права.

— Посмотрим, — ответила я. — Одни только бегания вверх — вниз по этим проклятым лестницам уничтожают меня. И моя загруженность — это просто смешно. Я почти хочу, чтобы в школе было не так легко, чтобы я могла узнать, как учиться.

— Хэшгэг «проблемы умных цып». Не думаю, что у тебя все настолько плохо. В эти выходные ты идешь со мной. Грэхэм сказал мне, что в пятницу будет SAE — вечеринка. Ты идешь. Никаких отговорок. Я собираюсь достать тебе два X, — она подмигнула.

— Два X? — спросила я.

— Хмель и Хуй! Или может это будет два П. Подзаправка и Перепих, — протянула Алекса, посмеиваясь над своей шуткой.

— Зачем ходить вокруг да около. Называй вещи своими именами. Обдолбаться и натрахаться!

Мы рассмеялись.

— Именно! — воскликнула Алекса.

Может это не было настолько плохой идеей. Может Алекса права; мне нужно расслабиться. Развлечься.

Но даже когда мы продолжили хохотать и строить планы, я не смогла перестать думать о Джоне.

Глава 2

Наступила пятница, и, несмотря на мои попытки этого избежать, Алекса потащила меня на вечеринку.

Ее одноклассник из старшей школы, Трэвор, был там с приятелями по регби, включая Грэхэма. Мне удалось прожить в кампусе почти два месяца без посещений каких — либо общественных сборищ, так что я чувствовала себя совершенно не в своей тарелке, особенно среди старшекурсников и привлекательных людей.

Было немного прохладно, поэтому я надела джинсы и толстовку с эмблемой Мултри. Думаю, некоторых девушек нехило потрясывало в едва прикрывающих тело мини — юбках и тонких топах.

Парни кружили, как акулы.

Регби — парни, которых я встретила, были полными отморозками. Солнцезащитные очки в белой оправе, слишком много спрея Акс, противные до невозможности. И это было только до тех пор, пока они не стали пить.

Я выпила три пива, и начала чувствовать хмель в голове. Я не была пьющей в старшей школе, но мои родители часто выпивали вино за ужином. Я могла отличить белое от красного, и точно знала, как буду чувствовать себя после второго, или реже третьего, бокала вина.

Алекса облизывалась с Грэхэмом, так что я отдалилась от коллектива, и ушла, никем не замеченная.

Мой путь обратно в общагу проходил мимо корпуса политологии, и когда я повернула за угол, чтобы срезать через парковку, сзади появились два мужчины.

Свет прямо над дверью четко осветил пару — Доктор Джон Хардвик и мужчина моложе, выпускник или ассистент, — предположила я.

Я думала о Джоне прошлой ночью. И я имею в виду, что я думала о нем. Алекса была у Грэхэма, поэтому я воспользовалась возможностью побыть одной и решила снять стресс. Мои мысли обратились, как делали всегда, к тому невероятному сну. Постарайся я, никогда не смогла бы испытать подобный оргазм снова, и не из — за отсутствия попыток.

Мое лицо вспыхнуло от смущения, я опустила голову и поравнялась с живой изгородью на краю парковки. Когда я оказалась там, я знала, что он не сможет меня увидеть.

— Жозефина! Жозефина Фолкнер!

Я была в нескольких шагах.

Это несомненно был голос Джона, будто теплый сироп расплылся по гравию.

Я повернулась, и он зашагал через парковку со своим коллегой.

— Я подумал, что это ты!

Я подошла к нему, от его близости, что — то внутри меня свело судорогой. Несмотря на возраст, волосы у него были темные, седина тронула только виски. Хотя она все же немного проглядывалась в волосах и короткостриженной бороде.

— Здравствуйте, Профессор Хардвик, — ответила я, неловко улыбаясь.

Он остановился и закатил глаза.

— Джон, — поправил он. — Пока ты не у меня в классе.

Он рассмеялся и широко развел руки. Я упала к нему в объятия, вдыхая запах лосьона после бритья, которым он всегда пользовался. С ростом под метр девяносто, он возвышался над моими метром шестьюдесятью, а его сильные руки так хорошо ощущались на мне.

— Это Жозефина Фолкнер. Она на первом курсе. Ее отец был моим соседом по комнате все время, пока мы учились в Мултри, — объяснил он парнишке. — Жозефина, это Арон Руни, он мой ассистент на этот семестр. Он работал в прошлой избирательной кампании.

Меня это впечатлило, я пожала ему руку, пытаюсь избежать взгляда Джона, который заставлял меня чувствовать себя маленькой и уязвимой.

— Как ты находишь Мултри, Жозефина? — поинтересовался Джон.

— Учиться тут тяжело, куда тяжелее, чем в школе. Но мне нравится. Есть вероятность, что можно поговорить с администрацией по поводу установки лифта в общежитии?

Джон рассмеялся, Арон согласно присоединился.

— Я жил в Дженкинсе на первом курсе. На пятом этаже. Сущий ад.

— Надеюсь, что в пятницу ночью ты не идешь в или из библиотеки, молодая особа. Здесь не так безопасно ходить одной по темноте, как хотелось бы, — заметил Джон.

— Я была с друзьями на вечеринке, и иду домой, уже почти пришла, — ответила я.

— Арон проводит тебя. Я бы сделал это, но сейчас любому преподавателю не следует оставаться наедине со студентом противоположного пола, даже если они знакомы с тех пор, как она бегала в подгузниках.

Я запротестовала, но он даже не слушал.

Мы обнялись на прощание, и Арон повел меня домой. Мы немного поговорили, и я была очень впечатлена его резюме и учебными заслугами, но он был не в моем вкусе. Особенно он проигрывал по сравнению с Профессором Хардвиком, запах которого я все еще чувствовала, поднимаясь по ступенькам.

Без Алексы и расслабленная после пива, я приступила к снятию стресса, зная, что впереди меня ждет длинная суббота в библиотеке.

Глава 3

Два месяца спустя

— Джо, принеси мне ложку, ок?

Мы с Алексой как обычно были на воскресном позднем завтраке в Spuds 'n More, наш единственный день, когда мы можем разориться, после недели еды из столовой.

Когда я вернулась, взяв себе миску с кусочками дыни и ложку для Алексы, я заметила его. Мултри не большой, но достаточно велик, чтобы я больше не пересекалась с Доктором Хардвиком (Джоном) после того, как мы столкнулись той ночью, когда я шла с вечеринки. Мои родители как — то приехали в гости и забрали нас с Алексой пообедать, но Джона не было в городе в те выходные, к большому огорчению отца.

Я пересекла переполненный ресторан и засомневалась, следует ли мне поздороваться или это будет выглядеть как нежелательное вторжение. По всему его столику была разбросана воскресная Нью — Йорк Таймс, и он тянулся к тарелке с французскими тостами. На нем был темно — коричневый вязаный свитер и брюки цвета хаки, его глаза остановились на чем — то на странице с редакционными статьями.

— Ты что — то заметила, детка? Кто это? — спросила Алекса, поднимаясь со своего места, чтобы выяснить, что привлекло мое внимание.

— О, ничего, думала, что увидела кого — то знакомого, — соврала я, протягивая ей ложку.

— Херня. Ты почти врезалась в стол, — она разглядывала толпу, много семей, которые забрали своих детей из Мултри на обед перед отъездом домой. — Ты такая извращенка! — поддразнила Алекса, опускаясь на стул с самодовольной улыбкой.

— Что ты имеешь в виду? — спросила я, защищаясь и протыкая вилкой кусочек дыни.

— Не думала, что ты по девочкам. Но да, та девушка в голубом определенно секси. Если ты любишь девушек, это очень здорово. Я просто понятия не имела! Но теперь понятно, почему каждый парень, с которым я пыталась тебя свес...

Мне пришлось ее перебить. Стоило ей только разогнаться, Алекса была как неуправляемый грузовой поезд.

— Прекрати! Мне не нравятся девушки. Я даже не понимаю, о ком ты. Но если какая — то девушка привлекла твое внимание, я не буду осуждать.

— О, прекрати. Если это была не она, то на кого ты пялилась? Подожди. Не тот старый

мужик? Он профессор. Он наверно ставит «отлично» за минеты, знаешь? Он преподавал у Грэхэма. Я как — то присутствовала. Но он наверно тебе в отцы годится!

Я решила пропустить это мимо ушей.

— Он действительно годится мне в отцы. Он лучший друг моего отца. Они учились тут вместе. Он знал меня практически перед моим рождением.

— Вау. Спала с ним? — спросила Алекса. Такта не было в ее арсенале.

— Ты что меня не слушала? — скептически переспросила я.

— Конечно, слушала, — ответила она, между полными ложками супа. — Но посмотри на него. Он такой таинственный, этот взрослый горячий мужик. И он профессор в колледже. И без кольца на пальце. Он или гей, или потрахивает каждую студенточку в универе. И он уже на низком старте, раз вы знакомы, так? Я имею в виду, он же даже в твоей сфере деятельности. В конечном счете он у тебя будет. Будет вести пары, я имею в виду.

— Ты самый смешной человек, которого я когда — либо встречала в жизни. Я люблю тебя, но это смехотворно, — произнесла я, качая головой и смеясь.

— Привет, Жозефина! — голос был низкий и хрипловатый, узнаваемый. И как раз рядом с нашим столиком.

Профессор Хардвик.

Я притворилась удивленной.

— О Боже, привет! — я встала и обняла его. — Докт..., прости, Джон, это Алекс Мерриуэзер, моя соседка по комнате. Она первокурсница из Сент — Луиса. Алекс, это Джон, известный также как Доктор Хардвик, профессор политических наук.

Джон посмотрел на нее и указал на нее пальцем.

— Вы дружите с Грэхэмом Невином, да? Приятно познакомиться.

Он протянул руку, Алекса поздоровалась.

— Ага. Хорошая память. Я его...хорошая подруга. Мне тоже очень приятно, Профессор, — она подмигнула мне через его плечо.

— Чтож, не хотел вам помешать, я просто шел за беконом. Их бекон с хрустящей корочкой? Божественный. Рад, что вы открыли для себя это место. Это мое любимое, но я не так часто тут по воскресеньям, как хотелось бы. Приятного аппетита. Всегда рад видеть тебя, Жозефина, — он так улыбнулся мне, как будто я была лучшим, что он увидел за день.

После того, как он ушел, Алекса оторвала кусочек тоста и отправила его в рот.

— Ага, он не может часто ходить сюда по воскресеньям, потому что не может распутаться из рук и ног всех студенток, которых берет с собой домой на выходные.

Я закатила глаза. — Он не такой.

— Всегда рад видеть тебя, Жозефина, — протянула она, ужасно плохо пародируя его голос. — Видела выпуклость на его..?!

— Прекрати! — я подняла руку, чтобы перебить ее. — Он мне как дядя. Я не хочу слушать о его чертовой выпуклости. Тебе нужно лечиться.

— Что мне нужно, так это Кровавая Мэри. Плохо, что тут нет алкоголя.

— Так или иначе, — сказала я, отчаянно пытаясь отвести тему разговора от Джона. — Какие у тебя планы на День Благодарения?

— Пытаюсь уговорить Грэхэма поехать ко мне домой. Но я не хочу его пугать, понимаешь? Заставлять его думать, что у нас все серьезней, чем он возможно хочет? — Алекса посмотрела на меня, нервничая. На нее было не похоже.

— Не так ли? Серьезно, я имею в виду, — пояснила я. — Прошло уже около двух

месяцев, ты ночуешь в его квартире чаще, чем в общежитии, в последнее время. Кажется вполне серьезным, как по мне. И он не собирается ехать домой в Южную Африку, верно? Может быть на Новый год, не на День Благодарения, конечно. У них там это вообще есть?

— Не знаю, сомневаюсь. Но было бы круто взять его с собой домой. Черт, он мог бы остаться с Трэвором или еще что. Он живет через несколько улиц от меня. Думаю, Ларри не понравится, что я притащила парня из колледжа и положила его спать на диване. По крайней мере, пока, — протянула Алекса, имея в виду своего отца, по — настоящему приятного парня, который заставлял меня задумываться, почему Алекса так дико его воспринимала. — Что насчет тебя? Поедешь домой в Каса — Де — Фолкнер?

— Думаю, да, — ответила я. — Я имею в виду, я еще не обсуждала это с родителями, но да, я уверена. Мой брат, Джефф, только устроился на новую работу в Балтиморе. Не знаю, приедет он домой или нет. Он нашел новую девушку, которую я еще не видела, поэтому это могло бы быть интересно.

Мы съели суп, салат, бекон и французские тосты, выпили апельсиновый сок, разговаривая и смеясь, первая половина послеобеденного времени прошла быстро. Когда мы не смогли больше есть, Алекса остановила нашу официантку.

— Можно счет, пожалуйста? Нам по отдельности.

Официантка приятно улыбнулась.

— По вашему счету уже расплатились. Мужчина в коричневом свитере. Он сидел у окна. Очень привлекательный к тому же.

Мы с Алексой удивленно переглянулись. Я пожала плечами, и мы дали друг другу пять. Бесплатная еда, особенно такая вкусная, была послана богом для бедных студентов. После нашего обеда мы выяснили, что у нас обеих в сумме был всего 11,27 долларов на счету, до тех пор, пока кто — нибудь из нас не смог убедить отца прислать еще денег.

Когда ушла официантка, я поняла, что Алекса хочет вставить какое — то едкое замечание о сладеньких папочках или о похожей глупости, поэтому остановила ее перед тем, как она начала. — Ни слова. Это было совершенно неожиданно.

— Все, что я хотела сказать, мы должны ходить сюда каждое воскресенье и садиться около окна, чтобы он точно тебя видел!

— Ты невыносима, — сказала я.

Когда мы вернулись в нашу комнату, Алекса решила вздремнуть, чтобы избавиться от остатков похмелья, так что я спустилась и села на лавочку около общежития и позвонила родителям. Я хотела рассказать папе, что видела Джона и выяснить, будет ли Джефф дома на День Благодарения.

— Привет, Джо! — воскликнула мама, — Как дела в школе?

— Все клево, мам, — ответила я, — Тяжеловато, но я все делаю правильно, я думаю.

— Прекрасно. Повиси, папа спускается в подвал, чтобы взять трубку там, — сказала она. Я услышала, как в телефоне зашуршало.

Да, у моих родителей до сих пор стационарный телефон. Телефоны, точнее. Верьте или нет, но тот, который в подвале — с диском для набора номера. Брат говорит, что ему место в музее.

— Эй, козьявка, как дела в моей альма — матер? — спросил папа. Он никогда не упускал возможности напомнить мне, что сам был выпускником Мултри.

— Кстати, мы с Алексой кушали сегодня в Spuds и столкнулись там с Джоном. Он заплатил по нашему счету. И не сказал нам, мы очень удивились. Так что поблагодари его от

меня, если будешь с ним разговаривать, ладно?

— Я поблагодарю его. Особенно раз это значит, что я могу не отправлять тебе денег на этой неделе, да? — спросил папа.

— Я этого не говорила, — поправила его я.

— Не волнуйся, Джо. Завтра он остановится в банке по пути с работы домой. До завтра подождет? — мама всегда волновалась, чтобы я хорошо питалась, поэтому мне все труднее и труднее было натянуть на задницу свои джинсы.

— Спасибо, мам, — ответила я. — Эй, вы не знаете, приедет ли Джефф на День Благодарения? Я надеялась, что он возьмет с собой его новую девушку. Венди, да?

Отец вступил в разговор, по его тону ничего нельзя было определить.

— На самом деле, дорогая, мы хотели тебе кое — что сказать. Мне дали премию на работе, и ты же помнишь, что у нас с мамой будет двадцатипятилетняя годовщина этой весной, да?

— Да, да, конечно, — сказала я.

— Мы с мамой решили отправиться в ту поездку по Европе, которую так хотели. И мы нашли прекрасный вариант, который выпадает как раз на День Благодарения. Так что мы будем отсутствовать эту и следующую неделю. Мы не в восторге, что придется пропустить этот праздник с тобой, но подумали, что на выходные после нашего возвращения, ты могла бы приехать, чтобы мы отпраздновали.

— Я приготовлю все, как на День Благодарения, Джо. Все, что ты любишь. Это будет все тот же праздник, только чуть позже. Что думаешь? — Мама казалась такой грустной, но я знала, что она очень долго хотела поехать в Европу.

Это было не то, что я ожидала услышать, и мой тон, вероятно, был более резким, чем я бы хотела. — Что мне тогда делать на праздничные каникулы? Мне восемнадцать, я же могу остаться дома одна, да? Может, я пойду к Жанелль на праздник.

Жанелль была моей лучшей подругой со старшей школы. Она уехала поступать в Колорадо, где жили ее бабушка с дедушкой по материнской линии.

— Мы созвонились с ними, и они летят в Колорадо, чтобы отпраздновать там. Нам правда жаль, что мы поставили тебя в безвыходное положение. Так получилось. Но у нас есть план. Джон сказал, что ты можешь остаться с ним, если хочешь. Мне претит мысль, что ты останешься одна в общежитии на День Благодарения. Он прекрасно готовит, — предложил папа.

— Не знаю, папа, я думаю, что просто приеду и отдохну дома, честно. Я не хочу беспокоить Джона, — ответила я.

— Глупости. Он сказал, что будет в восторге, если будет кто — то, для кого можно готовить, для разнообразия. Кроме того, только вы двое можете бесконечно долго разговаривать о политике.

Мама перебила папу:

— Роберт! Прекрати. Джо не нравится. Джон проведет все выходные в своем доме. Мы уже обсуждали это с ним. Это наилучший вариант. Мы не хотим пугать тебя, но недавно произошло несколько взломов в нашем районе. У нас есть сигнализация, но мне не нравится думать, что ты будешь одна все время. Помнишь семью Палмерс? Кто — то пробрался через окно, пока они спали! Утром они проснулись, а кошелек Чипа пропал, как и некоторые другие вещи. И его кошелек был на комодке, так что это значит, что грабитель был в их спальне! Это разве не жутко? И у них есть ребенок. Мне стало плохо, когда я это услышала.

Я вздохнула. Выглядело так, будто-то тот факт, что я остаюсь с Джоном, был уже решенным вопросом. С мужчиной, о котором я думаю, когда мастурбирую в последнее время.

Я смирилась с тем, что меня ждет самый странный День Благодарения: Джон и я в его домике у подошвы Смоки — Маунтинс. Я никогда там не была, но видела много картинок, которые привозили родители, когда ездили туда. Горы выглядели великолепно, отвесные с извилистой дорогой в окружении деревьев.

Я уже даже могла представить, насколько беспощадно будет дразнить меня Алекса.

— Ладно, ладно. Буду у Джона. Но только если вы пообещаете, что не планируете сплавить меня к дяде Гэри на Рождество.

Папа с мамой рассмеялись.

— Боже мой, нет. Мы точно будем дома на Рождество, и Санта будет очень добр к тебе, — сказала мама.

— Договорились. Но, надеюсь, что мы оба одинаково представляем определение «будет добр к тебе»!

— Мы будем проезжать по Италии, — ответил папа, — Я уверен, что Санта говорит по — итальянски.

Было решено. Я провожу День Благодарения в доме глубоко в лесу с мужчиной, на которого мастурбирую почти с тех пор, как я поняла, что могу делать это. Что может пойти не так? И что может пойти правильно? И что конкретно было правильным, а что нет?

Глава 4

Занятия были запланированы на понедельник и вторник, и из — за кое — какой работы по системе пожаротушения в общаге, нам надо было съехать в среду утром, и она откроется только в воскресенье утром. В среду у Джона было несколько встреч по работе до второй половины дня, поэтому он не мог освободиться до трех.

Я пойду на занятия во вторник, Джон заберет меня, после того, как освободится, я проведу в его доме ночь и часть дня в среду, пока он не будет готов поехать в горы.

Родители звонили из Лондона, отправной точки их Европейской Одиссеи, они были в восторге. Я за них очень рада. Мои родители хорошие люди и заслужили это путешествие.

Во вторник я вернулась домой с занятий и начала паковать вещи, как раз когда вошла Алекса.

Она бросила учебники на кровать перед тем, как сесть на мою, рядом с открытым чемоданом.

— Итак, я знаю, что зрелых женщин, которые встречаются с молодыми парнями, называют пантерами. А как зовут зрелых мужиков в таком случае? Или лучше спросить, как зовут молодых девушек, кто засматривается на старичков? — игриво спросила она.

— Как бы то ни было, Алекса. Я собираюсь есть вкусный ужин на День Благодарения, спать примерно часов сорок, и наслаждаться пейзажем. Не все из нас помешаны на сексе. Ну так что, Грэхэм едет с тобой или нет?

— Собственно говоря, Грэхэм будет уплетать отцовскую всемирно известную индейку, зажаренную во фритюре, во вторник вечером. У него есть приятель, который выпустился в прошлом году, он живет в городе по соседству от нашего, поэтому Грэхэм останется у него, — ответила Алекса, просматривая статьи, пока мы болтали.

— Познакомишь его с родителями, м? Это серьезный шаг. Неужели я уже слышу

свадебные колокола? — спросила я. Теперь моя очередь подкалывать ее.

— Не знаю, посмотрим. Мама профи в отпугивании парней. По крайней мере так было в школе.

— Твои родители хотя бы на том же континенте на День Благодарения, Лекс. Мои на..., — Алекса перебила меня восторженным пронзительным визгом, дотянувшись до аккуратно сложенных стопок в моем чемодане, и вытащила голубое бикини.

— А это у нас что, Джо?

— О, заткнись, у него есть джакузи. Я не ты, я не собираюсь купаться гольшом, — я выдернула бикини из ее рук и засунула его между джинсами и свитером.

— Ты могла бы, Джо. Оно выглядит так, будто было тебе впору, когда тебе было двенадцать.

— Оно хорошо на мне сидит. Я надевала его, когда мы тусили пару месяцев назад, придурочная, — поправила ее я.

— Ага, и твои сиськи вечно вываливались из него. Ты что хочешь, чтобы у Горячего Профессора случился инфаркт?

— Он как — то видел меня в купальнике. Нелепость. Могу я теперь закончить собирать вещи? — я закрыла чемодан, чтобы она не смогла больше вытащить что —нибудь.

Алекса скинула обувь и поджала под себя ноги, обращая внимание на телефон. — Я просто хочу сказать, наедине в доме в лесу, джакузи; я тебя умоляю, Джо.

Я скомкала спортивный бюстгальтер, который не собиралась с собой брать, и кинула в нее. — Как я говорила. Нелепость. Тебе разве не нужно собирать вещи?

— Нужно. Просто откладываю это, насколько возможно. Я думаю, что просто возьму мешок для мусора, полный белья для стирки. Чтобы маме было чем заниматься, пока я буду с Грэхэмом.

Мы препирались и шутили до обеда, до тех пор, пока я не стащила чемодан вниз, чтобы дождаться Джона. Я сразу же пожалела о таком количестве книг, которое решила взять, и вернулась в комнату, чтобы облегчить тяжесть. К тому времени, как я снова спустилась на первый этаж, Джон ждал меня в блестящем черном БМВ.

— Жозефина!

Он всегда казался супер взволнованным, когда видел меня. Так было с тех пор, как я себя помню.

Он заключил меня в медвежьи объятия, а потом открыл багажник, с легкостью засунув туда чемодан, который я с трудом тащила по лестницам и через холл.

— Прости, он такой тяжелый, наверное, я набрала лишнего, — предположила я.

— Тяжелый? Пффф. Это единственный?

— Только он и рюкзак, — ответила я.

— Номер один в списке модных аксессуаров для стильной студентки Мултри, — пошутил Джон.

Он открыл для меня дверь, и я скользнула в машину, устроившись в самом удобном сидении, которое когда — либо встречала. Джон сел и отъехал от тротуара, выехав на дорогу к своей квартире.

Он взглянул на меня и положил руку на мое бедро, обтянутое лосинами для йоги, прямо над коленом. По коже побежали мурашки.

— Я знаю, ты, должно быть, расстроилась, что не можешь отметить праздник с родителями, но я думаю, мы отлично проведем время, — проговорил он, и его рука

задержалась на мне дольше, чем я ожидала. Не то, чтобы я возражала. Его машина была сексуальной. *Он* был сексуальный. Я решила, что пока я с ним, я оставлю все переживания и буду развлекаться. Я больше не ребенок; я стала студенткой. Практически взрослая. Так почему бы не насладиться каникулами, как взрослая? В этом случае, *очень* взрослая.

Когда он убрал руку и вернул ее на руль, я почувствовала больше, чем просто небольшое разочарование. Мое тело жаждало мужских прикосновений. Джон не был мужчиной, он был практически семьей. Но смотря на него глазами Алексы, он был Горячим Профессором.

До его дома от кампуса было пятнадцать минут пути, закрытый жилой комплекс с дорогими машинами и огромными, старыми деревьями. Он показал мне квартиру внутри, и она напомнила мне гостиницу премиум класса, которую всегда видишь в кино. Где — нибудь в Нью — Йорке, может быть. Пахло чем — то вкусным. Везде было безукоризненно чисто. Он провел мне экскурсию, показав большую спальню, где почти все место занимала огромная кровать и гардеробная, размером с мою комнату в общежитии.

Не было ничего общего со спальнями парней, с которыми я вместе училась. Их спальни были увешаны плакатами из фильмов, валялись пустые бутылки из — под пива, неприятный запах грязного белья. Неа, спасибо.

Предпочитаю стиль жизни Джона.

Вторая спальня была переделана под кабинет с большим столом, который выглядел так, будто ему место в офисе президента или юридической фирме, книжные полки по всей комнате, и диван — кровать у дальней стены.

— У меня не часто кто — то ночует. Могу предложить раздвижное кресло, которое удобнее, чем может показаться на первый взгляд; кожаный диван в гостиной, либо моя кровать. Выбирай, — предложил он.

Его кровать была достаточно большой для нас обоих, и выглядела самой удобной из всех, но было бы слишком выбрать ее.

— Буду спать на диван — кровати. Таким образом, у меня будет свое пространство, своя ванная, и я смогу спать, пока ты будешь уходить на занятия утром, так?

— Точно так. Прости, тебе будет жутко скучно здесь завтра, но долг зовет, — опять эта улыбка. Черт.

— Я высплюсь, почитаю и, кто знает, может быть даже *позанимаюсь*, — пошутила я, и он засмеялся. — У тебя есть Netflix?

— Я может и старый, но не древний, — заявил он. — Да, конечно, у меня есть Netflix. Поэтому после ужина мы можем, как вы подростки говорите? Посмотреть Netflix и оттянуться, да?

— Ну, если честно, «оттянуться» это разновидность непостоянного слэнга, и когда это слово сочетается с Netflix, это значит немножко другое, чем просто расслабляться, — пояснила я.

— И как раз *поэтому* я не профессор английского языка. Или не студент колледжа! — он покачал головой и шлепнул своей большой ладонью по лбу.

Божечки, он такой сексуальный.

Он всегда казался мне забавным, и студенческая версия меня, Джо, смеялась вместе с ним также, как Джоджо.

После того, как я расположилась и провела час за теликом, Джон объявил, что ужин готов. Запах от мультиварки, полной курицы и печеных в тесте яблок, исходил ошеломительный, «старый семейный рецепт». Она готовилась с самого утра, и попробовав

первый кусочек, я обалдела.

— Боже мой, как *вкусно!* Не знала, что ты так хорошо готовишь! — ахнула я.

— О, пустяки. Мультиварка сделала всю работу. Тебе просто нужно знать, что в нее засунуть, в каком количестве и как долго варить, — отмахнулся он. — Чем я горжусь больше, так это моей индейкой, она маринуется с самого утра. К тому времени, как мы разделаем ее в четверг вечером, надеюсь, это будет самая сочная птичка, какую ты когда — либо пробовала.

Все в том, как он говорил, казалось, подразумевало секс. *Тебе просто нужно знать, сколько туда засунуть и как надолго. Самая сочная... которую ты когда — либо пробовала.*

Блять. Я подумала о том, что Джон точно знает сколько и как надолго «засунуть». Я начала пялиться на его рот, пока он ел, и однажды заметила, как он смотрит на мой.

— Я настолько люблю готовить, но так редко делаю это для кого — то, кроме себя. Потому смотреть, как тебе нравится еда, это делает меня счастливым. Прости, что пялюсь.

Мы оба неловко опустили глаза к своим тарелкам.

Мы пили вино, хотя пиво или сладкий чай казались предпочтительней к такому деревенскому блюду. Может быть даже водка. У меня осталось половина второй порции, и только начатый третий бокал вина, я очень наелась и ушла к его кожаному дивану, пока он убирал со стола.

Моя задница — это что — то с чем у меня были любовно — ненавистные отношения. Она начала рано развиваться, и парни из средней и старшей школы не знали, что с ней делать. Им нравились моя грудь, конечно, но ни один, казалось, не выражал восторга моим выдающимся ягодицам. Один кретин из восьмого класса восхищенно называл меня Руди. Когда я спросила, как он преобразовал Руди из Джо, он еле смог объяснить между приступами хриплого, удушающего смеха:

— Ну, знаешь, Руди. Большая Жопа Руди!

Пропасть между тем, что кажется смешным восьмиклассникам и остальной части человечества, огромна.

Но кликухой в школе всегда было «Руди». Или для тех, кто «поумнее» я была «БЖР»

К тому времени, как я была в десятом и одиннадцатом классах, и мой живот стал плоским, а грудь и попа не изменились, меня стали замечать *мужчины*. Иногда было глупо, когда кто — то проходил рядом и орал:

— Я люблю большие задницы и не могу это скрывать! — или тому подобное, а иногда даже жутко, когда парень ходил за мной по пятам в магазине, даже не предпринимая попыток скрыть, на что он пялится, но я пыталась не обращать на это внимания до самой общаги. Алекса была влюблена в нее, шлепая мою задницу всю первую неделю после того, как мы заселились, это было совершенно неожиданно.

— Прости, Джо. Я просто очень хотела сделать это с первого дня занятий. Просто нужен был предлог. Ты как Серена Уильямс или что — то типа того, — говорила Алекса.

— О, *заткнись уже*. Ты такая странная. Если бы Серена Уильямс проснулась и выглядела бы как я, она бы убила себя, — отвечала я.

— Просто будь благодарна, — возразила Алекса, — я могу приседать хоть целый день и ночь, и все, что у меня будет — это скучная плоская жопа, как у всех белых девочек.

— Ага, что ж, *это*, — я взяла в руку столько задницы, сколько смогла, — все свое. Мороженное и пицца. Никаких там присядулек.

Возвращаясь к настоящему, было несомненно приятно привлекать такое внимание, тем

более запрещенное, от такого человека как Джон Хардвик. Мне нравилось ощущать себя желанной, чувствовать взгляды. Я встала и пошла за пультом от телика, притворившись, что уронила его. Я наклонилась, чтобы поднять его, уставившись при этом в экран, где в отражении я могла видеть Джона. Он был как будто под гипнозом. Я простояла в таком положении так долго, насколько посмела, распрямляясь и растягиваясь так, чтобы подчеркнуть свои формы, и потом я повернулась к нему лицом.

Наши глаза встретились, и первый раз в своей жизни я увидела, как выглядит возбужденный Джон Хардвик. Он потянул за воротник рубашки и прочистил горло.

— Ты в порядке? — спросила я притворно скромным голосом.

— В порядке? Да, конечно, вполне нормально, да, — пробормотал он.

Я знала, что играю в опасную игру, но мне нравилось. Я решила выйти за рамки.

— Я так наелась. Ужин был очень вкусный. Я знаю, что еще рано, но хочу пойти переодеться в пижаму, — я прошла мимо него и повернула в его кабинет, оставив дверь приоткрытой. Я хотела, чтобы он мог заглянуть внутрь, если бы надумал.

Я вытащила пару коротких шорт для бега (в которых я *никогда* не бегала) и белую хлопковую майку. Я поглядывала на дверь, но он так и не появлялся. Я пошла в ванную, чтобы оценить себя в зеркале и обнаружила, что мои соски непристойной стоят. Я потянула за один, вздыхая и понимая, что мокрая. Прошло пару дней с тех пор, как у меня была возможность избавиться от стресса, но я знала, что все очень быстро меняется. Я, наверное, источала все виды феромонов.

Я вышла, максимально качая бедрами, и увидела, как Джон загружает посудомойку. Он немного успокоился, и хоть его глаза метнулись к моей груди, когда он увидел меня, он больше не был под заклинанием, которое я наслала на него, так неприлично наклонившись.

Он извинился и ушел в комнату переодеться, вернувшись в светло — зелёной футболке, которая обтягивала его грудь и бицепсы, и черных спортивных штанах с белой полоской сбоку.

Мы уселись на диван, он копался в телефоне, в то время как я переключала каналы на его огромном телике. Я остановилась на Bravo, на «Настоящих Домохозяйках Атланты», моей маленькой страсти.

Он взглянул на экран, потом на меня.

— Мне нравится Синтия и Канди. Кенна ужасная.

— Ты...смотришь «Домохозяек»? — спросила я, не веря своим ушам.

— Вся эта литература и лекции и неимение какого — нибудь глупого реалити по телику могут сделать из Джона тупенького мальчика, — ответил он. — Я смотрю только время от времени. Только Атланту. Остальные терпеть не могу. И когда там была Ким, это невозможно было смотреть. Но женщины Атланты намного более...интересны, чем все другие шоу.

— *Интересны?* — спросила я с неподдельным любопытством, — чем?

— Может «интересны» не совсем точное и верное определение. Ладно, я признаю это. Если ты не будешь меня осуждать.

— Свободная от осуждений зона, прямо тут, — сказала я, проводя рукой между нами.

Джон усмехнулся, уставился в потолок и вздохнул.

— Два слова. Ахрененные. Жопы.

Я не смогла сдержать смех.

— Что же случилось со свободной от осуждений зоной, Жозефина? — спросил он,

игриво бросая в меня подушкой.

— Ты хочешь сказать мне, что смотришь Домохозяек из — за их задниц?

— Нет, что я хочу сказать, так это то, что мы оба выпили слишком много вина, и я должен идти спать, вот что я хочу сказать, — он встал, явно смущенный.

Я поднялась, подошла к нему и обняла, обернув руки вокруг его шеи. — Прости. Я не должна была смеяться. Это защитный механизм. По крайней мере, это не со мной нужно обсуждать. У меня у самой проблема большой задницы.

Его руки вернули мне объятие, и одна легла на поясницу. Он сделал преувеличенное движение, склонившись над моим телом, чтобы посмотреть через спину на мою попу.

— Действительно, — позволяя руке задержаться над моими ягодицами.

Когда мы перестали обниматься, я сделала медленный пируэт. — Но они зарабатывают ими миллионы, а надо мной только смеются.

— Я искренне в этом сомневаюсь, — ответил он, не скрывая, что он меня заценивает.

Я рассказала ему про историю с Большая Жопа Руди из школы, и он нахмурился.

— Я надеюсь, что ты понимаешь, что они просто хотели тебя, но были слишком напуганы, чтобы начать за тобой ухаживать, верно? — спросил Джон. — Ты жутко их пугала. Мальчишки такие идиоты.

— Нет, мне просто казалось, что я была чем — то вроде уродца, — ответила я.

Я стояла близко к нему, достаточно близко, чтобы дотронуться. Было что — то в воздухе между нами, что — то электрическое. Наши интонации стали серьезными, и все вокруг, казалось, затихло, кроме наших голосов.

— Мне совершенно не следует этого говорить, не следует даже замечать, серьезно, но Жозефина, ты самая красивая девушка в Мултри. Я серьезно. С головы до ног.

— Я? — я недоверчиво спросила.

— Совершенно верно, ты, — Джон дотронулся до моего лица, убрал за ухо волосы со щеки и случайно задел костяшками пальцев мой сосок, когда опускал руку. Намеренно или нет, но результат был немедленным и ошеломляющим. Я ахнула и посмотрела вниз на напрягшийся через майку сосок. Его рука нашла мою щеку, а его глаза проследили от моего лица за моим взглядом к соску. Мы молча стояли и смотрели. Я не могла пошевелиться.

Он потянулся вниз и повел кончиком пальца вокруг него, и я задержала дыхание и задрожала. Он повел в обратном направлении, и это стало болезненно тяжело. И когда я подумала, что умру, если он не дотронется до него, он опять положил руку мне на поясницу, тесно прижимая к себе.

Теперь его рот был очень близко, и он изучал мое лицо, сомневаясь, как маленький мальчик, впервые добравшийся до доски для дайвинга.

Он этого хотел. Мне это было *нужно*. Но мы оба знали, что ничто больше не будет как прежде, если мы сделаем это.

Мы были на краю пропасти, которую отчаянно хотели перепрыгнуть, но оба были в ужасе. Потому что пути назад не было. Если ты прыгнешь, вернуться уже нельзя.

Наша оборона рухнула одновременно, и мы начали дико целоваться. Федра пролепетала что — то на заднем плане, и он начал шарить рукой в поисках пульта и выключил телевизор.

Мы упали на диван, не разрывая поцелуй ни на секунду. Он не использовал язык, просто голодный, поглощающий рот. Ничего общего со слюнявыми школьными поцелуями. У него уже был опыт. Поцелуи Джона были медленными и целенаправленными, и его руки блуждали по моему телу, грубо терзая мою грудь и обхватывая ладонями мою задницу. Я

была как мокрая глина, он мог лепить из меня, что хотел.

Страсть и жар были невыносимы.

Я потянула его за футболку, и он приподнялся достаточно высоко, чтобы я могла снять ее. Я так сильно хотела почувствовать его грудь на моей. Когда я начала стягивать свою, он взял меня за запястье и посмотрел в глаза.

— Жозефина, я хочу этого. Очень хочу. Но я должен знать, что ты тоже этого хочешь. Мы можем остановиться, если тебе будет хоть чуточку некомфортно, — произнес он. — Я должен остановить это, но я не в силах. Даже если это неправильно. Если границы должны быть установлены, они должны быть установлены тобой. Потому что я хочу тебя. Больше всего.

От того, как он дрожит, я чувствовала, что он возбужден также сильно, как и я. Между поцелуями я дотянулась и стянула свои шорты, отбрасывая их.

— Люби меня. Я никогда не хотела ничего сильнее этого. Пожалуйста.

Никаких границ. Не сегодня.

Его член дернулся, когда он спустил штаны, и с глухим звуком приземлился на мой лобок. Он потянулся к нему, чтобы правильно расположить, и одним мощным толчком похоронил себя глубоко внутри меня.

Я взвизгнула и захныкала, вертя бедрами и встречая его движения. Он наполнял и растягивал меня, и мои лодыжки перекрестились сзади него, чтобы удержать его там, где мне больше всего хотелось; внутри моей мокрой киски.

Он потянул верх моей майки, разрывая ее, чтобы освободить мою грудь. Как только она показалась в надрыве, его руки стали жестко и грубо трогать и тянуть ее.

— Ты, блять, такая тугая, Жозефина. Расслабься, чтобы я смог полностью войти, — приказал он голосом более низким, чем человеческий.

Смог. Полностью. Войти?

Я никогда не чувствовала себя настолько наполненной, я чувствовала такие глубокие, мощные толчки, а он даже не был во мне на всю длину?

Я подвинула таз вперед и сжала ноги на его талии, и он нашел новое место во мне, до сих пор нетронутое.

Я вонзила зубы в его плечо, чтобы сдержать крик, позволяя первому оргазму настичь меня.

— О да! Хорошая девочка, — прошептал он прямо мне в ухо, пока я пульсировала на его члене. — Прямо как и следующий, Жозефина. Кончи для меня снова. Пусть это произойдет. Моя девочка.

Он жестко вколачивался в меня, но голос его звучал так спокойно. Моему телу ничего не оставалось, кроме как повиноваться. Как только ослабел первый оргазм, второй, более сильный, заменил его, и мои бедра затряслись от шока.

— Д — двойной. Хренов двойной!

Я вздохнула, когда мое тело ответило ему в вихре блаженства. Я схватилась за него, нуждаясь, чтобы каждый миллиметр моего тела касался его, каким бы то ни было образом.

Он трахал меня медленно и страстно после этого, держа меня за попу, его целью, каждый раз, как он погружался в меня, было доставить удовольствие, которое взрывалось в основании моего позвоночника.

Он немного отстранился, не выходя из меня, и взял меня за лодыжки. Он перекрестил их перед своей грудью, толкая мои бедра к плечам, и нашел ритм в новой позиции.

Оргазмы были быстрыми, но сильными, пронизывая меня глубоко изнутри. Я была потрясена. Он наконец отпустил мои ноги, нежно поцеловав ступню, прежде чем позволить им медленно скользнуть по бокам от него.

Мои глаза засветились похотью.

— Я никогда не чувствовала ничего подобного. Никогда не думала, что это может быть так, — тихо сказала я.

— Может, может быть даже лучше, Жозефина. Мне столькому нужно тебя научить. Твое тело способно на вещи, о которых ты даже не догадываешься. Но у меня есть просьба.

Просьба? Что угодно.

— Когда я трахаю тебя, — произнес он, когда снова толкнулся в меня. — Я хочу, чтобы ты называла меня Дядя Джон. Помнишь, когда ты звала меня так? Я хочу, чтобы ты говорила, как нуждаешься в том, чтобы я трахнул тебя. Как сильно ты хочешь, чтобы мой член брал твою киску, каждый раз, как она этого хочет. Потому что я достаточно стар, чтобы быть твоим отцом, не так ли?

Я была в шоке. Это было так неправильно. И все же я почти кончила от этих грязных вещей, вылетающих из его рта.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Моя скромность давно исчезла. Теперь я поняла стремление и соблазн к первобытному сексу. Я бы дала ему все, что он захотел.

Он наклонился ко мне и прошептал:

— Это просто фантазия, малышка. Одна из многих, которые у меня были о тебе за последние два месяца. С тех пор как я увидел тебя, возвращающуюся в общежитие. В ту ночь я так сильно хотел проводить тебя до комнаты, Жозефина. И сделать тебя моей. Я хотел обладать твоим телом и иметь его так, как каждый мужчина может иметь киску.

Я закричала от экстаза. Он снова врывался в меня, пока говорил.

— Скажи это, — прорычал он. — Скажи, что хочешь меня.

— Да, — прошептала я, моя киска сжалась вокруг его ствола. — Дядя Джон, пожалуйста. Трахни меня.

Кончики моих пальцев бегали вверх и вниз по его бокам, наслаждаясь его перекатывающимися мышцами. Я нашла его чувствительную зону, когда его ритм ускорился, а глаза закрылись, он пульсировал во мне в своей собственной, спирающей дыхание, кульминации.

— Дядя Джон, — закричала я, — кончи в меня. Пожалуйста. Мне это нужно. Я твою хорошая девочка. Твоя маленькая кукла.

Когда он кончил, и перевел дыхание, он извинился за то, как это произошло. — Пожалуйста, прости, Жозефина. Я не хотел... было неправильно сделать это так.

— Я надеюсь, что это было *так* хорошо, — ответила я, а мои ноги до сих пор крепко удерживали его, чтобы чувствовать последние импульсы, которые могли быть.

— Божественно, — ответил он, — я не хотел останавливаться.

Мы целовались и лежали там какое — то время.

— Прости, — сказал он, — я заставил тебя чувствовать неловкость? Своей фантазией, я имею в виду.

— Нет, — протянула я, поворачивая к нему лицо, — я представляла это уже очень давно.

Я призналась ему. Что только сделало его опять твердым.

— Может дядя Джон снова в тебя войти? — он спросил. — Ты моя принцесса, Жозефина. Я хочу войти в тебя и жестко трахнуть. Чтобы ты знала, кому принадлежишь.

— Мммм, — простионала я, когда он притянул мои бедра на свой член. — Будет больно? — поинтересовалась я голосом маленькой девочки.

— Если я буду делать это, как надлежит, то, блять, да это будет больно, — прорычал он, когда начал толкаться в меня. Я закричала от боли и удовольствия, когда он начал иметь мою киску жестче, чем раньше.

Мы занимались любовью до этого. Сейчас же он трахал свою хорошую девочку. Так как он хотел так долго. Даже не смотря на то, что это было так неправильно.

На самом деле *именно потому*, что это было так неправильно.

Глава 5

Его роскошная кровать была куда удобней, чем кровать в общежитии, и к тому времени, как я проснулась, было уже больше одиннадцати утра. Я выползла в гостиную, потирая глаза, и обнаружила записку, которую он мне оставил.

Жозефина, надеюсь, ты хорошо выспалась. Угощайся всем, что есть в холодильнике. Я вернусь между двумя — тремя часами дня. Позвони, если тебе что — нибудь понадобится.

— Джон.

Я подумала набрать его, чтобы заказать другую порцию оргазмов, но подумала, что это было бы грубовато. Я почувствовала приступ беспокойства из — за прошлой ночи. Кроме того, Джон лучший друг моего папы. Все это не могло привести ни к чему, кроме катастрофы, так?

Но потом я подумала о том, что он знал, что делать с моим телом...как заставить его реагировать. Я не могла перестать думать об этом.

Это была самая лучшая ночь в моей жизни.

Я поела, оставшуюся со вчерашнего курицу с яблоками, посмотрела несколько фильмов, но ничто не могло меня заинтересовать. Ничего, кроме того, как Джон трахает меня.

Я вернулась в его постель и легла обнаженная, трогая себя и представляя, что он был во мне.

После нескольких неудовлетворяющих оргазмов, я поняла, что у меня проблема; все, что я делала с собой и что неуклюже делали со мной другие парни раньше, меркло в сравнении с тем удовольствием, что доставил мне Джон. Я не могла сама довести себя до такого же. Мне нужно было больше. Нужно еще его.

Было это похоже на первую ломку от героина? Джон был моим героинем.

Я взглянула на часы и поняла, что он скоро вернется домой, поэтому я поднялась, чтобы одеться и собрать вещи.

В половину третьего, он открыл дверь и увидел меня на диване, проверяющей свой Facebook. Он тепло улыбнулся.

— Так приятно прийти домой и увидеть красивую девушку на своем диване для разнообразия, — сказал он.

Я посмотрела налево и направо, притворяясь смущенной.

— О? Мне уйти, чтобы оставить вас двоих наедине?

— Это ты, Жозефина, — рассмеялся он. — И мы будем одни все выходные в доме в лесу. Там очень уединенно. Я очень этого жду. Ты собрала вещи?

Я пошла в свою комнату за чемоданом и рюкзаком. Он остановил меня, положив руку мне на талию и притянул к себе для разрушительного поцелуя. Я таяла, надеясь, что он поймет меня прямо тут. К моему огорчению он отпустил меня и прошел через квартиру к дальнему балкону.

— Я собираюсь взять индейку и свои вещи, и мы можем ехать. Хочу выехать из города до пробок.

Он вынес все на улицу, где его БМВ заменил массивный синий грузовик. Он выглядел как дедушка современного внедорожника.

Джон усмехнулся, когда увидел, как я смотрю на машину.

— В это время года я стираю пыль со старого Бронко. Он полноприводный и может заехать в гору, даже если выпал снег. Понимаю, что это не то, к чему привыкла модная девушка из Мултри, но обещаю, что он удобнее, чем выглядит.

Он поднял мой чемодан и сунул его в багажник. Затем положил большой переносной холодильник с индейкой и два поменьше рядом с ним, затем забросил коробку и две своих сумки.

— Куча еды и много вина, — сказал он, похлопывая коробку рядом с моим чемоданом. — Будет весело. Готова ехать?

Мысль о том, что мы будем пить вино с Джоном, особенно в горячем джакузи под звездным небом, далеко от цивилизации, волновала и возбуждала меня.

Я кивнула, и он открыл для меня дверь, помогая мне забраться в машину. Оказавшись внутри, я поняла, что он действительно более удобный и модернизированный, чем спартанская внешность заставила меня подумать.

— Пуристы были бы в ужасе от всего этого, — произнес он, показывая стерео систему и новую приборную панель. — Это Бронко 71, оригинальный двигатель, и я еще не встречал дороги, по которой бы он не смог проехать. Но я предпочитаю удобства. Этот был оборудован только АМ — радио, как и все такие машины. Мне этого недостаточно, так что я привел его в порядок. Но он может работать, так как предназначалось. — Он повернул ключ, и машина заревела в подтверждение своей мощи.

— Очень круто. Парни из общаги убили бы за такую тачку, — сказала я.

Мы тронулись и выехали с парковки.

— Прости, я знаю, что это не то, чего ты ожидала на День Благодарения, но будет весело. Расскажи мне про учебу. Кто у тебя преподает?

Я удивилась, что он хотел поговорить со мной о чем — то обычном. Но так же... почувствовала облегчение. Мне всегда нравились разговоры с Джоном.

Всю дорогу мы делились впечатлениями о моих преподавателях. Его мнение почти полностью совпадало с моим; Доктор Бектел была ужасно скучной даже для своих коллег, а профессор Деймлиг был по — видимому такой же забавный в обычной жизни, каким он был в классе. Время летело легко и приятно, дружеские споры о политической теории восполняли мои пробелы, и прежде чем я успела понять, мы оказались в маленькой, симпатичной деревне в тени гор Smokies, в трех часах пути от кампуса.

Он остановился около небольшого ресторана азиатской кухни.

— Мне не хочется сегодня готовить. Это место просто потрясающее. Тебе нравится тайская кухня?

— Должна признаться, я никогда не ела тайскую еду, — объяснила я.

— Верить мне, Жозефина? Если тебе не понравится, я куплю тебе все, что ты еще захочешь. Обычно я всегда ем здесь, когда приезжаю в дом. Верь или нет, я знаю, что это сельская Северная Каролина, но кроме одного места в Вегасе, здесь лучшая тайская еда, которую я ел в соединённых штатах, — он улыбнулся.

— Полностью доверяю тебе. Можешь лишить меня невинности.

Он так посмотрел на меня, и я поняла, что я позволила своей внутренней Алексе выйти наружу.

— Моя девственность тайской кухни. О господи. Прости, это ужасно прозвучало, — я оступилась и пыталась исправить оплошность.

— Как раз то, о чем вечно шутит Фрейд. Забыли. Пошли есть, — пошутил Джон открывая мою дверь. Он сопровождал меня внутрь, но перед этим прошептал, — После прошлой ночи я мог бы предположить, что в тебе не осталось ничего девственного, моя дорогая.

У меня задрожали ноги. Я так его хотела. К черту тайскую еду. Я хотела, чтобы он съел меня.

Но он был таким же сдержанным, как всегда. Когда мы вошли, я заметила, как смотрят на него женщины; он был привлекателен настолько, что даже женщины, ужинавшие со своими мужьями, не могли не посмотреть на него второй раз. Это заставило меня чувствовать гордость в каком — то странном смысле, что это я была с ним, хотя потом я поняла, что они предполагали, что я его дочь, а не любовница.

Мы сидели в кабинке в конце ресторана, и следующие два часа были головокружительной смесью экзотических вкусов и ароматов, в сочетании с очаровательным разговором с Джоном, который впечатлил меня своим тайским языком, заказывая еду и шутя с нашим официантом.

— Как ты выучил тайский? — я спросила, потому что очевидно, что он мог гораздо больше, чем просто прочитать меню. Скорость, с которой он говорил и понимал этот инопланетянский язык, взорвала мой мозг.

— Просто захотелось попробовать, — отозвался он, — Я учил его в свободное время и практиковался, когда была возможность.

Все, что касалось Джона, заставляло меня испытывать благоговение. Я четыре года учила испанский в старшей школе, получила отлично в аттестат, но не могла даже надеяться, что смогу разговаривать также, как он по — тайски.

К тому времени, как мы закончили есть, темнота окутала горы, и на небе появились звезды. Я немного захмелела от пива Сингха, которое мы пили за ужином. Я попробовала всего по чуть — чуть, следуя примеру Джона, и осталась в восторге. Если бы это было свидание — свидание, я бы отодвинула еду и притворилась голодной. Однако с Джоном я чувствовала себя комфортно. Мне нечего было доказывать, никаких причин, чтобы задирать нос или претворяться кем — то еще. Я ела и пила до последнего и сделала мысленную пометку найти тайскую кухню рядом с кампусом.

Джон мастерски проехал по крутым, обдуваемым ветром дорогам в гору, прежде чем выехать на узкий гравиевый проезд. Он нажал кнопку, и тяжелые деревянные ворота открылись, пропуская нас внутрь.

Он въехал и круто развернулся за домом, и остановился рядом с обрывом, оглядывая долину внизу. Из рта шел пар, когда я вылезла из грузовика, с изумлением глядя на высокие

сосны и звездную панораму надо мной.

— Вау, — протянула я, сразу подумав, что это тупейшая вещь, которую я когда — либо говорила. — Это просто потрясающе.

Джон вытаскивал чемодан из багажника.

— Да, довольно красиво, не так ли? Мне нравится тут. Так всегда, когда я приезжаю сюда. Спускаюсь с горы только за Пад Тай.

Я потянулась за чемоданом, но он отмахнулся.

— Ты в гостях. Не дам тебе ничего нести. Заходи и отдохай. Я только хочу занести все это в дом и положить еду в холодильник. Посиди на балконе или посмотри телевизор, что тебе больше нравится. Мне нужно всего несколько минут. Пожалуйста, чувствуй себя как дома, Жозефина.

Он открыл дверь и включил свет, и я оказалась в его уютной и несомненно мужской квартире. Натуральная древесина была повсюду, современно обставленная кухня переходит в гостиную, полностью заполненный бар напротив французских окон на дальней стене, в которые можно было увидеть долину внизу.

Коридор вел в спальню, а винтовая лестница ниже на этаж. Я проверила телефон, пока Джон перемещал еду в холодильник. Когда он закончил, то провел меня по коридору, где я с удивлением обнаружила маленькую комнату для гостей рядом с главной спальней.

Он взял мою сумку и поставил на небольшой столик около огромной кровати в главной спальне.

— Это будет твоя. Я остановлюсь в комнате для гостей.

Я не согласилась, но он не желал слушать.

— Я знаю, что ты скучаешь по родителям, я хочу, чтобы ты отдохала. Первый класс. Королева выходных. Никаких возражений. Если у тебя будут какие — нибудь пожелания, сразу дай мне знать.

Я все еще пыталась протестовать, когда он ушел, чтобы забрать свои вещи из машины. Я предполагала, что мы будем жить в одной комнате после прошлой ночи, так что была немного подавлена из — за того, что он не подумал о том же.

Я вошла в спальню и обалдела от душа за прозрачной стеклянной дверью, оборудованный даже душевой скамьей. Джон видимо не жалел денег на комфорт. Я присела на его кровать, и воспоминания тут же врезались мне в задницу. *Выходные у Джона в доме могут стать регулярным явлением*, подумала я про себя.

Я открыла чемодан и начала копаться в нем, вытаскивая книги и зарядку для телефона. Стук в дверь меня испугал, и когда я повернулась, у меня перехватило дыхание.

Там стоял Джон со скрученным полотенцем, наброшенным на его широкие плечи, с голым торсом, на грудных мышцах виднелась поросль нетемных волос, которая спускалась вниз по его животу. Он был в том, что выглядело как старая пара зеленых купальных плавок, возможно, слишком маленьких, плотно обтягивающих то, что было у него между ног.

— Прости, эта старая штука — единственные купальные трусы, которые я смог тут найти. Я думал, у меня есть другие, но я почти всегда здесь один, так что обычно ничего не надеваю, когда иду в джакузи. В любом случае, я веду к тому, что если захочешь, можешь ко мне присоединиться. Я беру с собой бутылку Каберне. Мне захватить для тебя бокал?

Настоящий *мужчина*. У меня заняло минуту, чтобы понять, что он говорит какие — то слова, а не просто показывает мне свои грудь, пресс, и определенно впечатляющий член.

— О, да, да, звучит круто. Захвати. До меня долго доходит.

Чем дольше он стоял, тем мокрее я становилась.

— Когда переоденешься, спускайся вниз по лестнице, там есть полотенца около двери, и потом выходи, — он понимающе улыбался мне.

Я закивала и проследила, как он развернулся и ушел. Его икры напрягались, когда он шел. Мне захотелось их укусить.

Мое тело решило, что это было бы прекрасное время для оргазма, и я немного поигралась, когда услышала, как за Джоном закрылась дверь, но я сопротивлялась порыву. Я вытащила бикини из чемодана и пошла в ванную, стягивая одежду, чтобы увидеть, что мои соски стоят, а влажность между ног больше, чем просто воображение.

Я потянулась за плечи, изо всех сил стараясь застегнуть купальник, матерясь, что не померила его перед тем, как упаковать. Если мои бюстгалтеры в последнее время были тесноваты, то что я ожидала от купальника? Я поняла, что низ от купальника тоже не налезет, и быстро взвесила решение заявить, что купальник я забыла, несмотря на то, что Джон напомнил мне взять его, поскольку в прохладную погоду находиться в теплом джакузи было бы прекрасным способом изумительно провести вечер. Мы занимались любовью, но он по сути не видел меня голой, с головы до ног, и это была преграда, которую я еще не была готова преодолеть. Я хотела сохранить крупицу скромности.

Когда я наконец застегнула купальник, то посмотрела в зеркало и увидела, как девушка из мокрого сна каждого подростка смотрит в ответ. Дешевая шлюшка, переодетая в Джо Фолкнер, грудь непристойно виднеется из — за крошечных треугольных кусочков ткани. Картину усугубляли мои сильно напрягшиеся соски, готовые проколоть купальник в любой момент.

Я надела трусики и вздохнула, растягивая их в надежде, что они могли хоть чуть — чуть сильнее прикрыть задницу, чем бюстгалтер — мои сиськи.

Извиваясь, я натягивала их до тех пор, пока они не оказались достаточно высоко, чтобы было не так плохо. Я повернулась спиной к зеркалу и чуть не упала в обморок от стыда. Самая худшая часть — это то, что купальник утонул настолько, что казалось, что это стринги, что на самом деле было не так, так что попа у меня была более открыта, чем грудь. Порно актрисы носили более консервативные купальники, чем я, за секунду до того, как я собиралась присоединиться к Джону в джакузи с бутылкой вина. К моему афигенно красивому, уверенному в себе «дяде», один вид которого меня возбуждал.

Пиво не делало ситуацию легче. Вино наверняка будет нокаутирующим ударом.

Глубокий вздох наполнил мои легкие, и я уставилась на девушку в отражении. Должна признать, я выглядела *хорошо*. И если бы это были весенние каникулы в Панаме, я была бы красавицей вечера. Килограммы, которые колледж добавил мне, оказались на правильных местах; я была фигуристее, чем когда — либо, и я рассмеялась, представив себя давно потерянной четвертой сестричкой Кардашьян.

Винтовая лестница привела меня в своего рода мастерскую с двумя дверями, небольшим столярным верстаком и выходом к джакузи. Как и сказал Джон, я нашла стопку пушистых полотенец около дверей. Я обернулась в одно, а другое взяла подмышку, выходя в прохладу ночи.

Если мои соски не были достаточно твердыми, чтобы забить в фанеру гвозди, то они стали сейчас. Джон сидел ко мне спиной, от воды поднимался пар, его мускулистые руки широко лежали на бортиках джакузи, и около его левой руки стояли бутылка вина и пустой бокал. Наполовину наполненный бокал он держал в правой руке. Джакузи было окружено

приглушенными огнями, но в остальном только свет от дома пронизывал темноту. Диск луны висел среди миллиардов звезд.

— А вот и ты. Я уже начал думать, что ты потерялась, — сказал Джон.

Я подошла и положила полотенце, которое несла, надеясь, что смогу как — нибудь незаметно скользнуть в воду перед тем, как он заметит. Однако глаза Джона все время были прикованы ко мне.

— О, нет, я просто решила немного разобрать вещи. Твой дом просто волшебный, — сказала, откладывая неизбежное.

— Слушай, — ответил он заговорщицким шепотом. — Слышишь сову?

Я подняла голову и сосредоточилась на звуках леса, улавливая далекий крик, режущий тишину.

— Уу — хууу — хуу — ууу.

Джон улыбнулся. — Я люблю сов, но ни разу не видел здесь их. Летучие мыши, олени, еноты, опоссумы, лоси, орлы и ястребы, даже бурые медведи, все животные, которых только можно представить, но ни одну сову за все эти дни.

— Медведи? — спросила я, надеясь, что не прозвучала слишком напуганной.

— Сюда они никогда не приходят. Я видел их, когда ходил в горы. Там есть один речной порог, который им нравится. Я сделал там несколько хороших снимков. Ты должна приехать сюда весной. Это место очень сильно меняется в разные времена года. Но хватит разговаривать о дикой природе. Залезай. Тут идеально.

Он похлопал по бортику, а его глаза ни на секунду не покидали меня. Я ждала, когда он мог отвлечься на секундочку, чтобы я смогла незаметно проскользнуть, но это не происходило.

Я сдалась и сбросила полотенце.

Выражение лица Джона сразу стало серьезным, он сел прямо, как будто он хотел что — то сказать, но передумал. Прохладный воздух послал мурашки по всему моему слишком открытому телу, и я намочила ступню, ногу и погрузилась в воду полностью.

Жар воды шокировал меня, чуть — чуть жгло, но когда я привыкла, стало замечательно. Я надела резинку для волос на запястье, поэтому подняв обе руки, я завязала конский хвост. Когда я поднимала руки за голову, моя грудь толкнулась вперед, и я заметила, как расширились глаза Джона и дернулись ноздри.

Я попала. Насколько сильно пока неизвестно.

— Парни в Мултри должны выстраиваться в очередь от главного холла до кафе *Spuds*, ожидая, когда ты выйдешь, Жозефина, — произнес Джон, наполняя мой бокал Каберне.

— Я не настолько популярна. Seriously, парни, которых я встречаю, такие же как в школе. Они хотят только одного; они в большей степени, прости меня, что поношу их, но они кретины, — я сделала большой глоток лучшего Каберне, который когда — либо пробовала.

Джон посмотрел на меня так, что у меня подскочил пульс. Он немного покружил стаканом, понюхал вино и потом сделал глоток.

— Мой ассистент, Арон, он тобой очарован. Он очень часто о тебе спрашивает. Он не *кретин*, по крайней мере согласно моему определению этого слова, но, если честно, он не твой уровень. Я всегда думал, что ты зрелая для своего возраста, Жозефина. Парни из старших классов и даже студенты недостаточно взрослые для тебя. Я прав?

Я позволила почти обжигающей воде впитываться в мои поры и выпила еще вина, кивая

ему головой через клочки пара.

— И теперь, когда мы поужинали с тобой вчера, и у нас был такой «десерт», и сегодняшний день с тобой, если я могу быть полностью прямолинеен и, надеюсь, не слишком груб...теперь я увидел тебя в этой обстановке, увидел, какой поразительной молодой женщиной ты стала, я больше чем уверен, что ты можешь быть счастлива только с *мужчиной*. Это комплимент. Знакома с Антонио Страдивари?

Мой затуманенный мозг подумал, что это знакомое имя, но ничего не имело смысла, кроме пронзительных глаз Джона, его идеально постриженной бороды и блестящих плеч прямо над водой. Я отрицательно покачала головой.

— Антонио Страдивари — это итальянец, который изготавливал струнные инструменты в семнадцатом и восемнадцатом веках. Он делал все виды струнных инструментов, но широко известен своими скрипками. Сегодня они стоят миллионы долларов.

Я кивнула головой в подтверждение того, что узнала, о ком он говорит. Название Страдивариус говорило мне кое о чем, даже если слово «изготовитель струнных инструментов» заставило бы меня копаться в словаре. com, без контекста, который предоставил Джон.

— Любой скрипач мог играть на его скрипке. Я имею в виду водить смычком по струнам, физическое действие. Даже студент на первом занятии. Но позволить новичку или любителю справляться с таким инструментом было бы преступлением. Даже виртуозы иногда останавливаются, когда сталкиваются с таким произведением искусства, сомневаясь в своих способностях. Высокомерие юности или дилетантизм допускали бессмысленное пренебрежение к совершенству инструмента, и результат был несомненно катастрофическим.

— Прямо как предоставить старшекласснику или однокласснику доступ к своему сердцу или такому изящно, и опять, прости меня, если я говорю то, что недолжно, к такому изящно сложенному телу, как у тебя, было бы катастрофично. Они бы точно не сомневались в своих способностях и могли бы только навредить тебе, не открыв твой огромный, широкий потенциал.

Я уставилась на него, пораженная тем, что он говорит это. Он трахался со мной прошлой ночью, используя мое тело для своих извращенных желаний...но сейчас он говорил со мной благоговейным тоном.

Как будто бы любил меня.

Я допила свое вино, пока он говорил, и он приблизился, чтобы наполнить оба наших бокала.

Он смотрел, как я подношу свой к губам, жадно наблюдая, как открывается мой рот, чтобы принять вино. Мой рот был более чем готов, чтобы принять его, чтобы получить его поцелуй или его член, если бы я осмелилась признать.

Вино и пиво ранее вечером, жар джакузи, разговор с этим мужчиной, которого я боготворила, то, как он описал меня своим низким голосом «изящно сложенная», все это заставляло мое тело плавиться. Я чувствовала единение с водой, мои мышцы плавно перетекали в кости, я абсолютно расслабилась.

Моя голова склонилась на край джакузи, я смотрела на звезды. Я позволила глазам закрыться и внимательно слушала, как опять кричит сова, когда почувствовала его щетину на своем горле.

Он целовал меня там; он не мог знать, что это место мой криптонит. Вверх и вниз по шее к челюсти и дальше прямо к уху. Я захныкала и схватилась за него правой рукой, обернув ее вокруг его плеч, чтобы он знал, что я не хочу, чтобы он останавливался.

Под поверхностью воды его рука легла на мои ребра, крепко удерживая меня. Его вторая рука достигла моего хвоста, стягивая резинку и позволяя волосам рассыпаться, его пальцы запутались в них, нежно, но уверенно отклоняя мою голову назад, так что моя шея оказалась для него открыта. Все это время он не переставал меня целовать, мои ключицы и шею. Он не спешил, не пропускал ни сантиметра, его борода ощущалась жесткой на моей коже, а губы мягкими и полными, поглощающими меня.

Мой разум кружил, пытаюсь понять, что происходит. Так же отчаянно как мое тело хотело этого, голос в голове, крошечный, он становился тише каждый раз, как мое сердце делало удар в груди, кричал, что все это было неправильно по многим причинам.

Хватка на моих волосах ослабла, и его губы нашли мои. Он оказался напротив меня, его руки держали мое лицо, когда он начал вставать из воды, пар и капли подчеркивали его мужественные плечи и руки. Он притягивал мое лицо к своему, целуя мой рот так, как его еще никогда не целовали.

Его колено нашло выступ, на котором я сидела, грубо проникая между моими ногами, и мои бедра чувственно сомкнулись на нем. Мое тело больше не служило мне, только похоти. Жажде. Получить как можно больше удовольствия независимо от цены.

Так что я потиралась о его бедро, как будто была в агонии, отчаянно целуя его.

Я попыталась встать вместе с ним, чтобы прижаться к нему всем телом, и я почувствовала его руку на пояснице. Он схватил мои трусики и потянул их вверх, туго натягивая их на моем ноющем естестве. Я вскрикнула от этой вольности, но его рот заглушил этот звук.

Казалось, он никогда не перестанет целовать меня.

Я была уверена, что умру, если перестанет.

Его кулак обернулся вокруг купальника сильнее, когда я кинулась на него, мои безумные поцелуи чуть отдалили оргазм, угрожающий захватить меня.

Он перестал целовать меня только для того, чтобы прижаться лбом к моему лбу, его глаза в дюйме от моих, чтобы задать вопрос.

— Хочешь кончить, принцесса?

Я прикусила губу и кивнула, дрожа, я схватилась за него, его мышцы были моим якорем в реальность, когда волны наслаждения начали омывать мое тело.

— Хорошая девочка. Хорошая девочка.

Он повторял это в мое ухо снова и снова, его слова продлевали мой оргазм намного дольше, чем я ожидала.

Когда затихли отголоски удовольствия, я снова погрузилась в воду, следуя за Джоном. Он опустился на колени между моих ног, улыбаясь и глядя на мое покрасневшее лицо.

— Ты в порядке? — любезно спросил он.

— Да. Да, очень в порядке, — пробормотала я в ответ.

— Хорошо. Повернись и дай мне посмотреть на твою задницу, Жозефина.

Это не была просьба или вопрос, это была команда.

Я встала и медленно повернулась, положив обе руки на бортик джакузи, холодный воздух пополз по позвоночнику, заставляя меня вздрогнуть.

— Восхитительно, — заявил Джон, его руки опять блуждали по моему телу, трогали

зад, одной рукой скользя по задней стороне бедра, а второй массируя поясницу.

— Ноги вместе.

Мое тело теперь принимало команды только от Джона Хардвика, не от меня. Я сдвинула ноги, и когда они были достаточно близко друг к другу, я почувствовала, как его пальцы потянули мои трусики вниз одним длинным, плавным движением. Они исчезли, как только достигли моих лодыжек, я догадывалась о его следующей команде, но хотела услышать ее, прежде чем исполнить.

— Теперь раздвинь ноги.

Я раздвинула ноги так широко, как только смогла, наклонившись над краем джакузи, задница высоко в воздухе, все обнажено и открыто для него.

— Твоему телу нужно руководство, Жозефина, не так ли? Оно жаждет твердой руки. Дисциплины. Ты очень сочная. Тебя нужно приручить. Я прав?

Все время, что он говорил, его руки блуждали по моей заднице вверх и вниз, по задней стороне ног, абсолютно везде, кроме того места, где я так хотела, чтобы он потрогал жар между моих ног.

Моя голова упала между лопаток, когда бедра вращались под его руками.

— Да. Да, ты мне так нужен, пожалуйста! — умоляла я его.

— Скажи, Жозефина. Скажи, чего именно хочет твое тело. Чего хочешь ты. Что именно ты планировала, придя сюда одетая вот так. Зная, что это со мной сделает. Говори.

Его открытая ладонь обрушилась на правую ягодицу, жалищий восклицательный знак. Он успокаивающе погладил место удара, когда я заскулила и прикусила нижнюю губу.

— Я...я хочу...я хочу тебя. Я хочу быть оттраханной тобой. Я хочу, чтобы ты меня трахнул. Пожалуйста!

Мой голос был ниже, чем я была готова услышать, страстный, хриплый. Он опять меня шлепнул. И опять, меняя руки, каждый удар посылал толчок вверх по позвоночнику и потом прямо к моей палящей сердцевине.

— Колени на выступ. Задницу как можно выше. Гордись своей сочной попкой. Я никогда не видел похожую.

Я встала на колени. Мой торс расположился на бортике, холодный воздух ничто по сравнению с жаром похоти. Я почувствовала, что он двигается сзади, меняя позицию. Я ожидала почувствовать его член, размер которого Алекса увидела в кафе, молот, который я не могла не заметить в тисках плавок наверху в комнате.

Член, который трахал меня всю прошлую ночь, как молодую шлюшку. Я была его шлюшкой. Навсегда.

До тех пор, пока все не кончится, и даже если все кончится, я все равно буду очень благодарна за то, что оттрахана им.

Принадлежать ему.

Но когда я почувствовала его руки на своей заднице, они открыли меня не для его члена, а для...его языка.

Каждый мускул в моем теле сразу напрягся, и меня затрясло, но его сильные руки крепко удерживали меня на месте.

Его широкий язык покрывал меня долгими, длинными движениями, и я знала, что он мог чувствовать возбуждение, которое формировал во мне весь вечер.

В такой позе каждый раз, как его язык пробовал меня, я знала, что его нос должен был быть...о, Боже, прямо там...я могла чувствовать его, здесь не могло быть ошибки, его лицо

было прямо около моей задницы. Точнее не около, а *в ней*.

Никто и ничто не бывало там, не прикасалось, не смотрело. Но в переливающемся свете джакузи при луне я знала, что он испытывает мою последнюю девственную часть, мою святую святых. Волны стыда пробежали по мне. Мозг построил дальнейшее развитие событий за долю секунды; выбраться из джакузи, одеться, вернуться в дом (мозг не мог сопоставить мой дом и его квартиру, я виню в этом алкоголь), уйти из школы и бежать из страны. Может быть. Однажды я снова смогу увидеть родителей. Если повезет, то мне никогда больше не придется видеть красивое лицо дяди Джо — ох, блять...

Блять, блять, блять.

Он не просто трогал, шлепал, смотрел и *нюхал* мою задницу.

Нет, это было бы недостаточно унизительно.

Он целовал ее.

Я не имею в виду булки.

Хотя их он тоже целовал.

Он держал меня и целовал везде. Его руки двигались вверх по моей спине и вниз по бокам, нежно массируя. Когда он приподнялся и поцеловал мою поясницу, а потом копчик, а потом крохотное отверстие, о существовании которого никто в этом мире не знал...ну, кроме меня. А сейчас он его *целовал*.

Ниже. И глубже.

И все это время я была настолько мокрая, какой никогда в жизни не была.

Я изгибалась и текла как водопроводный кран, когда чувствовала, как его щетина царапает самую нежную плоть моего тела, между моими булочками, и я позволила себе обрушиться на бортик, чтобы он делал со мной все, что хотел.

Его поцелуи становились настойчивее, сменяясь вылизыванием, интенсивными, тугими кругами. Ближе и ближе к тому месту, где я так отчаянно нуждалась в его языке.

К месту на моем теле, где, я была не в курсе раньше, было сосредоточение самых чувствительных нервных окончаний.

Он лизал меня...*там*.

И внезапно, все, что я считала сексуальным удовольствием в моей жизни, стало смехотворно ничтожным.

Эта загадочная сова, каждый медведь в горах и все эти создания в лесу могли спуститься к дому, к Джону на крыльцо, и я сомневаюсь, что заметила бы.

Мое сосредоточие достигло максимума. На крохотном, тугом комке нервов в моем теле.

Его настойчивый язык кружил и кружил, перед тем как проникнуть. Изучить меня внутри. Где ощущение запретных наслаждений возрастало в тысячу раз.

Я чувствовала влагу везде. Мои стопы и икры были под водой. Щеки были мокрые от слез, причиной которых была полная неспособность контролировать потоки эйфории, которые омывали мое тело. Внутренняя часть моих бедер была мокрой совершенно по другой причине. Влага моего возбуждения могла полностью заполнить джакузи.

Джон прижал лицо сильнее, до тех пор, пока он буквально не стал целовать меня *там* в засос. Полный энтузиазма французский поцелуй.

Я не то что никогда такого не испытывала, я о таком даже никогда *не слышала*.

У меня были друзья в старшей школе, и моя соседка по комнате в Мултри Алекса, кто по степени сравнения, был смелее и образованнее в сексуальном плане, чем я. Но никто из них никогда не описывал, как мужчина поглощает их сзади таким образом.

У меня пошатнулся рассудок. И тогда внутри меня разгорелся оргазм, который грозил испепелить мою душу.

Он зародился, что меня удивило, в моей заднице. Прежде все мои оргазмы были клиторальные, полностью самоуправляемые. Я читала достаточно Космо, чтобы понять, что у меня есть точка — G и что если ее правильно стимулировать, я могу испытать сильный вагинальный оргазм. И где — то в процессе я вспомнила теорию о том, что в задней части влагалища есть точка — А. Конечно, мои соски давали мне часы удовольствия. Но моя *задница* тоже могла кончать?

Да. Да, могла.

Мышцы в этом месте начали сокращаться, вокруг лица Джона, и я взвизгнула, неловкий звук, который я могла бы в точности воспроизвести, если бы увидела кейс полный наливки, но звук, который я совершенно не могла контролировать.

Я забилась и закричала, моя задница кончала на его языке до тех пор, пока все не стало слишком чувственным, слишком нежным, слишком ошеломляющим, и я попыталась продвинуться дальше по бортику, чтобы избежать его сводящего с ума языка, чтобы взять секунду перевести дух.

Он убрал лицо, но его хватка на моих бедрах была неумолима. Он притянул обратно мою задницу, а его рука была у меня между ног. В липкой, трепещущей влажности, которая когда — то была моей киской.

Его средний и безымянный пальцы без сопротивления скользнули в меня. Его ладонь располагалась внизу, к палубе, и два пальца внутри начали массировать меня. В чудесном, потайном месте.

Как этот мужчина знал мое тело лучше меня? Как мог он знать эти места лучше меня, которая живет в этом теле почти девятнадцать лет и ничего о нем не знает?

Его пальцы прижимались и интенсивно терли что — то внутри, что посылало глубокие импульсы в мой позвоночник. Волны удовольствия, которые неуклонно усиливались, становились мощнее, росли.

Я услышала, как поскуливаю, умоляя его.

— Мне нужен твой член, — я прошептала, — дядя Джон...Пожалуйста. Ты достаточно взрослый, чтобы быть моим отцом. Хочешь эту молоденькую киску?

— Хорошая девочка, Жозефина. Просто расслабься для меня. Ты хорошо справляешься. Позволь этому сформироваться. Не кончай пока. Сдерживайся так долго, сколько сможешь. Будет намного приятней. Доверь мне свое тело, — голос Джона был повелительный, но мягкий. Он был со мной. Я должна ему доверять. Он знал, как лучше. Он знал мое тело лучше меня, это было очевидно. Я попыталась кивнуть, мои всхлипы перешли во что — то, напоминающее горловое мурлыканье.

Он погружал свои пальцы в меня, снова и снова находя то место, массируя и потирая его.

Я была в темноте, в извилистом коридоре. Где — то теплился свет. Сверху? Где — то рядом? Нет, прямо впереди...это было невероятно, но близко. Прямо передо мной. Просто потянись и схвати его.

Шлеп!

Его рука обрушилась на левую сторону моей задницы, пока вторая продолжала свои грязные действия внутри меня.

Шлепок заставил меня потерять из виду мой факел, мой загадочный свет,

освобождение, за которым так отчаянно гналось мое тело.

Прямо когда я снова поймала ритм и увидела путь, он шлепнул меня еще раз. Я задыхнулась от силы удара, и тепло, где приземлилась его рука, наверняка превысило температуру воды.

Снова и снова он подводил меня так близко, к тому, что мне было нужнее свежего горного воздуха, который я с силой втягивала в легкие. Но потом он возвращал внимание на мою задницу. К резким, карающим шлепкам, которыми он осыпал мою сочную круглую попку.

Мои слезы были сочетанием ошеломляющего оргазма, боли от его шлепков и вскипающего разочарования. Слова полились из моего рта.

— Пожалуйста, пожалуйста, дядя Джон, ох, блять, пожалуйста, я хочу, о, я так хочу, я, пожалуйста...

Его ладонь поглаживала мою задницу мягкими кругами, и он ответил спокойным, тихим голосом.

— Что, принцесса? Чего ты хочешь. Скажи мне, и я сделаю это. Просто скажи это, сладкая.

В этот момент, сосед он или нет, уважаемый профессор в колледже или нет, лучший друг моего отца или нет, Мне. Было. Все равно.

Я закричала.

— Я хочу кончить! Джон, я, блять, хочу кончить!

И что он сделал? Что этот мужчина, который показал полный контроль над моим телом, сделал, когда я сказала, чего хочу всеми фибрами моего существа?

Он ухмыльнулся.

— Хорошая девочка, — сказал он, — Конечно, ты этого хочешь.

Пальцы внутри меня атаквали место, которое, должно быть, было излюбленной *Космовской* точкой — G. И потом я снова почувствовала его щетину. Он снова лизал меня там, стимулируя при этом мою точку.

Мне вспомнилась сцена из фильма. Этот фильм был про футбольную команду или регби — команду или кто там разбился на самолете в Андах. Их группа взбиралась на вершину близлежащей горы, надеясь увидеть ее основание, но вместо этого их ждали мили и мили более внушительных вершин.

Оргазмы, которые, я думала, лучшие и удовлетворяющие час назад, были небольшой насыпью. То, что Джон делал с моей задницей недавно, было горой. Что его пальцы и рот делали со мной сейчас, переносило меня на вершину Эвереста.

Я кричала, пока не охрипла, брыкалась и выгибалась на бортике, пока он не торопясь массировал мою точку — G.

И лизал мою задницу.

И формировал экстаз, который грозил разрушить мое тело и сотрясти душу. Я покачнулась, дернулась и чуть не потеряла сознание.

А потом.

Его член медленно прижался к моему священному отверстию. Это была не киска, нет. Не моя набухшая, нуждающаяся в его члене киска.

Джон медленно надавливал своим членом на мою задницу.

Сначала я была не уверена. Его язык ощущался так хорошо, хотя это уже табу. Но размер и ширина Джона были совершенно другим.

— Я не могу... — начала я. Он провел руками по моей обнаженной спине.

— Пожалуйста, — он попросил, — Я хочу поиметь твою попку. Хочу наполнить ее спермой, Жозефина. Больно будет только сначала. Но если ты позволишь мне сделать это, то будешь по — настоящему моей. Кто —нибудь трахал тебя так, Принцесса?

Я покачала головой, когда он медленно продвинулся вперед, заставив меня чуть поморщиться. Было так туго. Не представляла, как он сможет войти.

— Ты ощущаешься так чертовски хорошо, — сказал он, — Я не смогу остановиться, Жозефина. Моя девочка. Мы можем снова поиграть?

Я кивнула. — Да, дядя Джон.

Он наклонился, глубже проникнув в меня. По моему лицу покатались слезы. Было больно, но это была восхитительная боль. Я *хотела* дать ему это.

Тогда он бы точно стал моим.

— Вместо дяди Джона, — прошептал он, — Почему бы тебе не звать меня Папочкой? Потому что это так грязно, Принцесса. И то, как ты будешь кричать, чтобы твой папочка трахал тебя в задницу, заставит меня так сильно кончить, малышка. Думаю, что тебя тоже. Не так ли?

Блять. Да. Эта фантазия станет моей погибелью. Соски заныли от возбуждения от запрещенных мыслей.

Его медленные толчки неожиданно стали быстрее, я чувствовала, будто меня разрывает пополам. Но я прикусила губу и крепче схватилась за бортик, зная, что доставляю Джону самое сильное удовольствие в жизни.

— О, моя девочка, — произнес он, когда похоронил себя во мне, — Ты самая тугая, кого я когда — либо имел. Я с трудом вхожу. Я собираюсь так сильно кончить в твою попку, Принцесса. Тебе нравится, когда папочка трахает тебя в задницу?

— Да! — выкрикнула я, — Твоя Принцесса хочет сделать тебе приятное, Папочка. Пожалуйста. Трахай мою девственную задницу. Никто не имеет меня, как мой Папочка.

— Блять! — завыл он. Я нашла правильные слова.

Он схватил меня за бедра. Он вдавливался в меня, как если бы это была киска. Он был безжалостен, и я закричала вместе с ним, чувствуя, как меня заполняет его семя. Я чувствовала, как он пульсирует и опустошается в самую сакральную часть моего тела.

Я могла бы умереть сейчас, но была бы счастлива. Я вся отдалась мужчине моей мечты. Он выкрикнул мое имя, когда кончил, и в этот момент роли перестали существовать.

Я обладала властью, когда дело заходило о Джоне. Потому что он нуждался во мне так же, как и я в нем.

И это пугало.

Следующее, что я поняла, что я в кровати, между мягчайшими простынями и тяжелейшим, толстым одеялом, которое я когда — либо встречала.

Мне понадобилось время, чтобы понять, где я, но темное дерево вокруг меня, чистота, простая мужская обстановка, и понимание нахлынуло на меня. Я была в кровати, в большой спальне Джона.

Дверь была открыта, и я могла видеть, как танцуют тени на стене, и стало понятно, что в гостиной горит камин. Я лежала там, воспроизводя в голове поездку, ужин и джакузи. Я провела руками по телу и поняла, что была совершенно голая. Меня затрясло, когда я задела пальцами соски, и я опустила руку между ног, ощущая там все гиперчувствительным. И нуждающимся. Голодным до большего.

У меня было два оргазма, которые не поддавались описанию, которые бросали вызов английскому языку, если пытаться дать им верное определение. А мой клитор был совершенно при этом нетронутым. Я трогала его теперь, надеясь поиграть, нежно лаская его. Небольшой оргазм пришел быстро, и если я надеялась, что еще один оргазм потушит во мне пожар, то я жестоко ошиблась. Мое тело горело.

Только *он* мог потушить его. Только Джон знал, что мне нужно, знал, как помочь мне.

Но сначала мне нужно было что — нибудь от головы. Я не сразу осознала, насколько сильно она болела, побочный эффект пива, вина и отключки.

Я приподнялась на локте и оглядела комнату. Я улыбнулась, когда посмотрела на тумбочку. Три бутылки Геторэйд, красная, зеленая и голубая, рядом с двумя разными обезболивающими.

От руки написанная записка лежала между бутылками и таблетками. Я открыла ее и прочитала под лунным светом и бликами огня из соседней комнаты.

Жозефина, я не знал, какой ты хочешь вкус и что ты примешь от головы. Если тебе нужны таблетки сильнее, у меня они тоже есть. Спи сколько хочешь. Разбуди меня, если тебе что — нибудь понадобится. Счастливого Дня Благодарения.

— Джон.

Я вытряхнула три таблетки и запила напитком из красной бутылки, сидя в кровати. Я провела пальцами по волосам и потянула руки над головой и перед собой.

У меня раскалывалась голова, но тело чувствовало себя превосходно. Еда, сон и оргазмы заставили чувствовать себя как после месяца сна.

Часы, висящие на стене, с изображением лося, показывали 5:14. Должно быть, утра, предположила я, в моем новом мире, мире тайской еды и безрассудного секса с мужчиной, который годится мне в отцы, который заставил меня гоняться за оргазмами.

Я не была уверена, что возраст играет роль. Все, что было важно, это Джон и секреты, которые он знает о моем теле.

Я спустила ноги на край кровати и попала прямо в пушистые тапочки, которые, я уверена, я забыла с собой взять, но которые очень кстати находились на полу.

Я улыбнулась и покачала головой. Если бы я была одета, то пошла бы искать Джона.

Но правда ли мне нужна была одежда? Он уже все видел. Делал со мной вещи, которые никто не делал, вещи, которые я едва могла представить.

Даже если это был сон, хотя тупая боль в мышцах, которые не привыкли к таким нагрузкам, была доказательством, что все происходило по — настоящему, я не видела его голым.

Я бесшумно подошла к шкафу, куда была убрана вся моя одежда, и вытащила пару лосин для йоги и толстовку с логотипом Мултри. Не самое сексуальное сочетание, но очень удобное, к тому же не думаю, что Джон будет против кофты с именем его университета и работодателя.

Я нашла Джона, растянувшегося у камина, его голая грудь служила закладкой для романа, который он читал, когда заснул. Он был в голубых пижамных, низко сидящих штанах, которые не оставляли место фантазии. Я стояла и смотрела на него, его острые, привлекательные черты подсвечивались светом от огня. Я выглянула в окно и увидела тяжелые, влажные комья снега, падающие на сосны.

Мое внимание вернулось к Джону и его поросли волос, спускающейся от пупка к линии штанов. Я слышала, что волосы в этом месте называются «счастливой дорожкой», но никогда не предавала этому значения, до сих пор.

В моем гипер — возбужденном состоянии это была чертова *дорожка ликования*. То, к чему она вела, поглотило меня. Я прикусила нижнюю губу и позволила своей правой руке скользнуть между ног, потирая себя через штаны для йоги, смотря на него.

Стоп! Что, блять, со мной не так? Я сразу же остановилась, охваченная стыдом. Я правда собиралась стоять тут и трогать себя, смотря на спящего мужчину. Годящегося мне по возрасту в отцы? Практически моего отца? Я не могла.

До тех пор, пока он не приказал мне, конечно же.

Я была *его*. После того, что он делал со мной, я была поражена. Одержима. Мое тело теперь принимало решения. Мое либидо во главе. Он посеял что — то в моей душе, оргазмы подпоили это, и теперь оно выросло как лесной пожар, пока я спала. Как бы то ни было, кем бы я не была раньше, когда я отправилась в это путешествие в горы, той девушки больше нет.

Я смотрела видео, как однажды жеребенок, молодая лошадь, которая была рождена и выращена в зоопарке или типа того, где он жил свою короткую жизнь на бетоне или может быть грязи, но так и никогда не ступавший на траву. Его привезли в новый дом в трейлере, и когда открыли двери, и он смог выйти, он опасно спускался, пока наконец не встретился с этой странной, мягкой, зеленой штукой. Он был в ужасе. Он как бы наступил на траву только одним копытом и сразу же его убрал. Он наклонился и понюхал травинки, встряхивая гривой. Он снова поставил копыто на траву, проверяя, может ли она выдержать его вес. Еще несколько шагов, и она показалась безопасной. Через несколько секунд он был самым счастливым пони, которого вы когда — либо видели, прыгающего и резвящегося на пастбище. Все, что он упускал в своей жизни, но не знал этого, была *трава*. И пространство. Для свободы.

Смотря это видео, я не была уверена, что испытывала что — то похожее. Может быть, если собрать все мои праздники и Дни рождения. Может быть. Но скорей всего нет.

Мне нужно было резвиться. Чтобы узнать больше об этом прекрасном, новом мире, который Джон для меня открыл. Я оглянулась вокруг и встала на колени рядом с Джоном.

Если есть шанс, что все события прошлой ночи можно списать на пьяную голову или оставить без обсуждения, сославшись на момент безумия, то он был потерян. Я в нем *нуждалась*. *Сейчас*.

Я тяжело сглотнула и дрожащей рукой потянулась к его штанам.

Глава 6

Моя рука замерла в миллиметре от Джона. Если раньше не было поворота назад, что очевидно, я бы бросилась с этим со скалы. Я держала руку и глубоко дышала, стараясь замедлить колотящееся сердце. Вся комната казалась заполненной электричеством, как во время шторма, но на самом деле за окном медленно падал снег, постепенно умирал огонь в камине, и внушительная грудь Джона спокойно поднималась и опускалась.

Казалось, только я была взволнованна. Возбуждена точнее. Я посмотрела на его лицо, где малейший намек на улыбку тронул уголки его губ. Ему снился сон? Я?

На его пижамных штанах были пуговицы, и, призвав все ранее не использованные навыки по вскрытию сейфов, я опустила пальцы на первую пуговицу, расстегивая ее, пока

мои глаза следили за лицом Джона, за любым знаком, что он просыпается от моих действий. Он казался глубоко погруженным в сон, его дыхание не изменилось, так что я потянулась ко второй пуговице, что оказалось задачей потруднее. Ткань вокруг него была натянута, четко обрисовывая, что было под ней. Моя награда. Его член.

Пуговицу, которую я расстегнула, позволила бы просунуть внутрь палец, может два, но не позволили бы в полной мере достигнуть того, в чем я так отчаянно нуждалась. Возможно, я смогла бы приспособиться.

Я скользнула указательным пальцем внутрь, все еще следя за его красивым, сонным лицом. Мой палец почти сразу столкнулся с препятствием, приятной мягкостью, которая могла быть только одним. Я медленно прошлась по нему ноготком, чувствуя, что могу выпрыгнуть из собственной кожи в этот момент. Мне как — то странно нравилось быть такой порочной.

Мой палец ласкал и исследовал его, и хотя его дыхание казалось таким же глубоким, а веки закрытыми, его член начал реагировать. Я смотрела, как он медленно напрягается, ища место, чтобы встать в свой полный размер. Чтобы *трахнуть* что — нибудь.

Я вынула палец, найдя вторую пуговицу, расстегнула ее, расширяя расстояние для своей руки.

Мое сердце колотилось где — то в ушах; если бы я повернулась и увидела парня, полностью одетого в форму для марша, который молотил в барабан, я бы не удивилась. Никогда не думала, что у меня настолько сильно может колотиться сердце.

Теперь у меня был полный доступ, так что я протянула руку и взяла его твердеющий ствол, вытащив его прежде, чем он стал бы слишком большим, иначе пришлось бы снимать штаны, что точно разбудило бы его.

Он будто бы лениво перекачивался, сам по себе. Он был где — то в середине процесса до полностью напрягшегося и пульсирующего. Но уже наполняющим рот слюной толстым. Число членов, эрегированных или нет, которые я видела в своей жизни, было ничтожно малым. Но в тот момент я поняла, что никогда не видела более идеального. Более мужественного.

Он был широкий и мускулистый, и даже не смотря на запах камина, я могла чувствовать аромат Джона. Слабый аромат пота и неопределимого мускуса, что могло быть только чистым тестостероном.

Я была заморожена его членом, нежно поглаживая указательным пальцем его длину, чувствуя исходящий от него жар; его вес. *Силу*.

Моя рука открылась для его ствола, обернувшись прямо посередине. Осталось еще много места на каждом конце, а мой большой и указательный пальцы не могли соприкоснуться без небольшого давления. *Он что еще не полностью, блять, поднялся?*

Я невольно облизала губы, медленно ведя кулак, чувствуя, как он запульсировал под моими пальцами.

— Возьми его в рот, Жозефина. Пососи папочкин член.

Кровь застыла в моих жилах.

Джон проснулся.

Проснулся и увидел свою хорошую девочку на коленях, ласкающую его член.

Я чувствовала себя как человек в фильме ужасов, кто только что услышал шум за спиной, но кто знал, что если он обернется и увидит это, то это конец. До тех пор, пока он не смотрит, его не могут убить. Так? Мои глаза застыли на огромном члене в моей руке, и я

надеялась, что голос, который я слышала, просто шутка моего мозга.

Старая шутка о собаках, которые гонятся за автомобилями, не задумываясь над тем, что они сделают, если догонят. Я была собакой, которая вонзила зубы в бампер того внедорожника вниз по улице; и что дальше?

— Жозефина, по тому взгляду я могу сказать, что ты хочешь его попробовать. Сделай это. Твой папочка хочет почувствовать твой ротик на себе. Ты хочешь сделать мне приятно, м? Никто не узнает. Это будет наш секрет, малышка. Мммм. Да. Очень хорошо, моя принцесса.

Он уже продемонстрировал, что знает мое тело лучше, чем я. *Теперь он и мысли мои может читать?* Я хотела попробовать его. Пососать его. Взять его так глубоко в горло, как только смогу. Покориться ему. Покориться *Джону*. Мне понравилось, когда он попросил пососать папочкин член, понравилось притворяться делать что — то грязное.

Если бы уже не было грязным то, что мы трахались.

Я погладила его снова, подняв его перпендикулярно его телу. Я наклонилась, закрыв глаза и открыв рот.

— Хорошая девочка.

Блять, блять, блять.

Просто услышав, как он называет меня так, я затопила лосины для йоги.

Я обхватила его своим ртом, вбирая так глубоко, как только могла, моя рука обернута вокруг ствола. Я качнула головой раз, потом второй, двигая шей и покручивая языком, желая попробовать каждый его миллиметр. Он был *идеальным* для моего рта, его головка оказалась прямо напротив моих губ, когда я подняла голову и захныкала от чистой, неразбавленной похоти. Я делала минеты раньше, но это было больше обязанностью. Я должна была доставить какому — нибудь парню острые ощущения, несколько минут удовольствия взамен на то, что он скажет, какая я красивая. Типичная сделка между сексуально активными подростками по всей Америке.

Но я никогда не *сосала член*. Так охотно. Непристойно. Мокро. Как голодная шлюха, питающая саму душу через кончик мужского естества моего любовника.

Он хмыкнул и удобнее устроился на диване, откинувшись назад, чтобы его обслужили. Этим я была в этот момент. Кем — то, чем — то, кто доставит этому пульсирующему члену удовольствие. Ничего больше, ничего меньше.

Он нагнулся и убрал волосы с моего лица за ухо, чтобы наблюдать за тем, что я делаю.

Я почувствовала, как мое лицо покраснело от стыда, зная, что он будет смотреть на меня, маленькую девочку, которая выросла на его глазах, каждый выпускной которой он посещал, несколько концертов там и сям, дни рождения и игры, а сейчас он смотрел, как я пускаю слюни по всему его члену, как будто у меня жар. По *его* огромному члену.

— Понятия не имел, что ты такая покорная. Тебе очень нравится сосать мой член, не так ли, Жозефина?

Его слова ударили меня как электрошоком, заставляя меня извиваться под его взглядом.

Я попробовала кивнуть и издать звук, напоминающий «да», не выпуская его безмерно напрягшийся член изо рта.

Он усмехнулся.

— Такая *хорошая* девочка.

Если он скажет это снова, я кончу. Без сомнений. Каждый раз, когда он звал меня хорошей девочкой, это чувствовалось, как будто он входит в меня. И я удвоила попытки

удовлетворить его.

Я остановилась на секунду.

— Папочка? Я хорошо это делаю?

Он застонал. Это был ответ.

Я сосала, стонала и лизала, и хныкала, воспевая его длину и ширину. Краем глаза я видела, что он отодвинул куда — то книгу и положил руки за голову. Полностью расслабленный. Только эта была видимость. Он потянулся на конец стола за ним и взял телефон, пролистывая почту, не обращая на меня внимания.

В то время как я должна была быть подавлена его равнодушием к отчаянному способу, которым я любила его член своим ртом, все произошло наоборот. Я была окутана сексуальным пламенем. Он меня *игнорировал*. Он проснулся и ему нужно было просмотреть тексты, емейлы, может быть, портфолио. Кто знает? Все, что я знала, это его член, и то, что я должна доставить ему удовольствие. Сосать, бороться, чтобы продвинуть каждый сантиметр в горло, и моя единственная награда — это случайный вздох удовольствия Джона.

Я крутила бедрами, сжимала их вместе, но мне нужно было больше. Моя левая рука вцепилась в диванную подушку так, что побелели костяшки, но я опустила ее на свое колено, потом в пояс штанов для йоги, к мокрому месту, которое когда — то было киской. Я очень сильно хотела кончить.

— Ц — ц-ц, Жозефина. Сосредоточься на члене. Твое удовольствие только с моего разрешения. Не с твоего. Я твой папочка. Делай, как я сказал.

Какого. Хуя.

Этот мужчина. Этот красивый, несравненный мужчина, который полностью меня игнорировал, сказал, что я не могу потрогать свою собственную киску? Пока его член пульсировал у меня в горле и истекал липкой, сладкой смазкой в мой рот, так сильно, что она стекала у меня по подбородку?

Да. Да, сказал. И моим единственным вариантом было подчиниться. Его голос, не моя воля или желания, контролировал мое тело. Со стоном разочарования, я убрала руку из штанов и обернула ее вокруг его ствола, я вся была сосредоточена на Джоне.

— Мы должны выбить из тебя эту маленькую капризную негодницу, Жозефина. Возьми меня глубже.

Глубже? Он что тронулся? Я уже сейчас еле справлялась, мое лицо и горло мокрые от этих попыток.

Я попыталась принять больше и почувствовала его руку у себя на голове, нежно, но настойчиво направляющую меня.

— Смысл в том, чтобы сдать. Ты должна сдать, чтобы превозмочь свой рвотный рефлекс, Жозефина. Этот рефлекс — акт самосохранения. Можешь избавиться от него, только отказавшись от «себя». Только удовольствие сейчас важно. Мое, и то, которое ты получишь, видя его. Мой оргазм должен быть первостепенным. Он значит даже больше, чем твой собственный.

Пока он говорил, я не успела осознать, что Джон давил на мой затылок, и когда слово «собственный» покинуло его вкусный рот, я осознала, что мое лицо было прижато к его промежности, к ткани его штанов, и я взяла его настолько глубоко, насколько никогда не смогла бы представить. Чувство гордости было ошеломляющим. Возбуждение абсолютным.

— Хорошая девочка. Ты делаешь мне приятно.

Я сжалась, восторженная дрожь прошла по моим бедрам и пояснице. Он снова заставил

меня кончить, не прикасаясь ко мне. Глубокий, невероятный оргазм, пока я прижималась к нему лицом, игнорируя жжение в горле и легких. Слезы катились по щекам. Они были вызваны не печалью; они были знаком того, что мое тело снова испытало что — то типа перегрузки.

Я медленно поднялась, выпуская его мокрый, величественный член с громким вздохом. Все было тихо, кроме нашего общего тяжелого дыхания. Он молча поднялся и снял пижамные штаны, откинув их куда — то.

— На диван, Жозефина. На колени. Покажи свою шикарную задницу снова.

Я сняла толстовку и стянула лосины, пока стояла. Они были настолько мокрые, как будто я в них плавала.

Он посмотрел на меня с самой сексуальной улыбкой, которую я когда — либо видела, полностью самоуверенной.

Я залезла на диван, локти на спинке, колени на подушке, выгибая спину так, как я надеялась, смотрелось сексуально.

Он встал сзади меня, взяв меня за задницу.

— Я ездил по свету, Жозефина. От пляжа Копакабана до Нью — Йорка, от Токио до Лондона, и я никогда не видел такой задницы.

Он оттянул плоть, а потом шлепнул по ней открытой ладонью. *Сильно.*

Я закричала от неожиданности и боли, и он ударил по другой стороне, еще сильнее. Я сжала спинку дивана, мой рот открылся в беззвучном крике.

— Я имею в виду, она просто великолепна.

Шлеп!

— Никогда не устану шлепать ее.

Шлеп!

— И лизать ее.

О Господи.

Шлеп!

— Мне понравилось трахать ее.

Шлеп!

При этом мое тело стало жидким. Опаляющий жар его рук на моей заднице, скользкая влажность моей жаждущей киски, необузданная боль в горле, все это было слишком. Я обрела голос. Или может быть, это он нашел меня. Я не поняла. Но он, должно быть, принадлежал мне. Это было больше похоже на рык животного, чем на человеческую речь. Низкий и равномерный, как будто я была одержима.

— Трахни меня. Трахни мою задницу, трахни мою киску, трахни все, что тебе хочется, только *трахни* меня. Трахни меня очень жестко своим большим членом. Только, *пожалуйста*, трахай меня до беспамятства.

— О Боже, — усмехнулся он, — Как пожелаешь.

Он вошел в меня, и я закричала, — Папочка, ты такой жесткий!

Телефонный столб. Он трахал меня телефонным столбом. Это не могло быть ничем другим. Бейсбольная бита — зубочистка по сравнению с тем, что он в меня засунул.

Он схватил меня за бедра и загнал себя в меня, полностью, и у меня в горле образовался комок. Он оставил там три сердцебиения. Я считала. Свои, не мои. Я чувствовала их через его член. Пульсирующие, трепещущие сердцебиения.

Он вышел и медленно скользнул назад, заставляя меня почувствовать каждый

миллиметр. Я была настолько блять мокрая. Настолько возбужденная. Настолько в отчаянии.

Несколько толчков он долбился в меня. Стоя, его руки на моей пояснице, терзая мою щель. Входя глубоко внутрь под таким углом, чтобы задевать места, нежные, невероятные места, неустанно вколачиваясь в меня.

— Джон... — позвала я, наши игры закончились на секунду. — Мне нравится, когда мой любовник берет то, что принадлежит ему.

Проснулся инстинкт самосохранения, дерись или убегай, и я почувствовала, как хватаюсь за спинку дивана, чтобы избежать его карающего члена. Но его хватка оставалась неизменной. Все что я могла делать, это принимать его. Получать его. Сдаться ему.

Во время не прекращаемых толчков он растягивал мою киску, провоцируя ее на оргазм, вырывая их из моей души снова и снова. Мир начинался и кончался на его изумительном члене. Я непостижимо кричала, пытаюсь благодарить его и умолять о большем и восклицать, каким чертовски умопомрачительным он был и что я чувствовала сразу.

С нас лил пот, и, несмотря на то, что огонь сгорел до светящихся углей, комната казалась погруженной в ад.

Его руки передвинулись на мои плечи, и каждый толчок издавал оглушительный звук мокрой, трепещущей плоти. Его яйца били меня по клитору, каждый раз вызывая фейерверк.

Мои мышцы болели и ныли, и я обмякла, как тряпичная кукла, на его члене.

— В следующий раз, как ты кончишь, я остановлюсь и позволю твоему оргазму массировать мой член, пока я не кончу. Ты поняла, Жозефина? Твое тело сейчас заставит меня кончить. Ты этого хочешь? Ты хочешь, чтобы я кончил?

Обессиленная, я кивнула головой, волосы прилипли к лицу от пота и слюны.

Я парила где — то между оргазмом и полным экстазом, что — то на горизонте, с чем я была не знакома и к чему была не подготовлена. Оргазмы были постоянными, каждый из них переходил в следующий.

Я потерялась в фантазии. Я была его молодой маленькой шлюшкой, которую он привел с улицы, чтобы воспользоваться. Мысль о моей обязанности и цели удовлетворить его делала оргазмы гораздо более интенсивными. Я хотела и нуждалась в том, чтобы быть его хорошей девочкой. Его принцессой. Его Жозефиной. Он был моим Папочкой, мужчиной, кто заботился обо всех моих нуждах, в то время как я заботилась о его плотских.

Пока.

Он протянул руку и начал кружить пальцем по моему анальному отверстию, не меняя ритма. Он трахал меня жестко и быстро, и на одном почти агрессивном толчке, его палец вошел внутрь.

В мою задницу.

Где до прошлой ночи никто не бывал.

До его языка.

А потом члена.

Не останавливаясь, он потянулся к моим волосам, взяв их в руку и оттянув мою голову назад, а его вторая рука работала над моей тугой задницей.

Моя кульминация была больше, чем оргазм. Мои бедра затряслись, спина выгнулась, как у акробата, и у меня случился оргазм в конце всех оргазмов.

Сокращение моих внутренних мышц было сильным и интенсивным, сжимающими его. Верный своему слову, он толкнулся глубоко внутрь и стоял, не двигаясь. Когда волны

прорвались сквозь меня, он вздрогнул. Без слов, только гортанный крик, который, казалось, звучал больше от боли, чем от удовольствия, но мне было все равно. Мой собственный оргазм был бесконечен и разрушителен.

Я чувствовала, как он пульсирует, опустошаясь внутри меня, будто в меня засунули пожарный шланг. Казалось, нашему взаимному извержению нет конца, мое провоцировало его и наоборот.

Мои мышцы напрягались и расслаблялись, по всему телу, снова и снова. Когда наши крики затихли, он пропустил через пальцы мои волосы, и моя голова рухнула на спинку дивана. Точно также он убрал палец, как будто его там и не было. Он оставался твердым внутри меня, медленно двигаясь, так что я заскулила.

Наконец, пощадив, он высвободился из меня, помогая мне упасть на широкие подушки, отделкой повернутые к спинке дивана. Он близко притянул оттоманку, чтобы добавить себе пространства, и обвился вокруг меня, одна рука под моей шеей, а вторая на моей талии, пальцы переплетены с моими. Комната, где недавно было жарко как в печке, сейчас казалась очень холодной, огонь полностью погас. Он отнял от меня руку и потянулся назад, чтобы достать одеяло, находившееся на ближнем от нас кресле.

После того, как мы оба оказались накрытыми, он поцеловал меня в плечо и шею.

— Я люблю тебя, — прошептал он. — Я люблю тебя больше, чем когда — либо что — то любил. Как я смогу без тебя? Мы в такой беде.

Я была слишком вымотана, чтобы говорить.

— Я твоя, Джон, — сказала я. — Всегда была. Я начинаю думать, что это причина, по которой я вообще существую. Чтобы принадлежать тебе.

Я после этого я погрузилась в глубокий сон.

Все было сказано.

Глава 7

Несколько часов спустя звуки приготовления еды, стук крышки о кастрюлю и шипения масла вытащили меня из забытья.

В камине снова ревел огонь, и некоторое время я неподвижно лежала и смотрела, как танцуют языки пламени, и слушала, как Джон напевает что — то, что было мне незнакомо, пока возился на кухне.

Он не мог меня видеть, поэтому я позволила себе медленно просыпаться, томно потягиваясь и переворачиваясь на спину. Я посмотрела в потолок и подавила зарождающееся хихиканье, когда воспроизвела события этого раннего утра.

Моя рука оказалась у меня между ног, найдя там липкий беспорядок, результат моего возбуждения и его оргазма, по всей внутренней поверхности бедер. Легкое прикосновение к киске заставило меня задрожать. Все было слишком чувствительным и нежным.

Я ласкала себя пальцами и случайно задела сосок. Я была переполнена похотью. Ничего не имело значения, кроме секса. И оргазма.

Что бы Джон не готовил, это пахло умопомрачительно, и я была голодная, но все, о чем я могла думать, это мой следующий оргазм, мое сексуально сближение с этим человеком, кто бесповоротно перевернул мой мир с ног на голову всего за каких — то несколько коротких часов.

Я была безнадежно одержима. Зависима. Я не могла думать ни о чем, кроме Джона, и я

быстро посчитала в уме, сколько еще часов у меня осталось с ним в этом доме. Потом сколько приблизительно минут. Как кажется большие цифры, были слишком маленькими. Я никогда больше не хотела быть где — либо без рук Джона, обернутых вокруг меня. В пределах досягаемости его рта. Его члена. Я была создана, чтобы дарить ему наслаждение.

Обернув вокруг себя одеяло, как для комфорта, так и по причине оставшейся скромности, я встала.

— Привет, соня, — сказа мне Джон, потягивая вино из бокала, стоящий с голым торсом у плиты.

Я задумалась, какой он меня сейчас видит. В каком, должно быть, беспорядке мои волосы. — Привет, — ответила я мягким, хриплым голосом. — *Так* вкусно пахнет.

— Ну, скоро все будет готово. Мы же должны устроить себе праздник. Надеюсь, ты нагуляла аппетит.

Когда он сказал «аппетит», я почувствовала, как сжались мои бедра. Я хотела затронуть тему нашего секса, но Джон разговаривал со мной так, будто ничего не произошло. Как если бы я была просто гостем на праздник, кем — то, для кого он просто готовил ужин на День Благодарения, не того, кого он только что оттрахал до беспамятства.

Кому он признался в любви.

— Я умираю с голода, — ответила я, шагнув на кухню, аккуратно придерживая одеяло.

Он погрузил кончик пальца в какое — то варево на плите и облизал, пробуя результат своих трудов. — Превосходно, — протянул он, и я не была уверена, что он имел в виду то, что пробует, или то, что я проголодалась, или все вместе.

Я провела рукой по беспорядку на голове, пытаюсь оценить, насколько дико и «только — что — оттрахано» выглядели мои волосы перед тем, как увидела себя в зеркало в ванной. Я взглянула на Джона, который смотрел на меня с загадочной улыбкой.

— Что? — спросила я, слабо улыбнувшись. Несколько шаркающих шагов к моей комнате, и я почувствовала себя слабой и больной. Я с нетерпением ждала момента, когда смогу отмокнуть в ванне после ужина. *Просто отмокнуть*. Мое тело не могло выдержать больше в этот момент.

— О, ничего, Жозефина. Я просто в себе разочарован.

Я вскинула голову, надеясь, что не стою на краю пропасти, что он не собирается мне сказать, что все это сумасшедшая ошибка.

— Я думал, что смогу готовить более тихо. Я хотел отблагодарить тебя за то, как ты меня разбудила, таким же способом, — сказал он, смотря мне прямо в глаза.

Я прикусила губу, когда дрожь пробежала через мою сердцевину от этой мысли. Я не могла говорить.

Он обошел стойку и вышел в гостиную, где я стояла как вкопанная. Он был в тех же пижамных штанах, что и утром, и больше ни в чем. Он встал передо мной и прикоснулся рукой к моей щеке, нежно ее поглаживая, пока смотрел на меня сверху вниз.

— Ты такая редкая красавица, Жозефина. Все в тебе сексуально. Это непроизвольно. Ты не можешь с этим ничего поделать. Не можешь это выключить. То, как ты двигаешься, как говоришь, как пахнешь; я просто хочу, чтобы ты была моя. Я не могу остановиться.

Он был так близко, что даже через одеяло я могла чувствовать, как его возбуждение прижимается ко мне. Он был твердый. Опять.

Я отошла на полшага назад и уперлась спиной. Одеяло сползло с моего плеча, и он этому помог. Оно растеклось около моих ног.

Он взял мое лицо обеими руками и страстно поцеловал, длинным, глубоким поцелуем. Я дрожала.

Я целовала его в ответ, мои руки на его плечах, притягивая его к себе. Его руки скользнули на мои бедра, и одна опустилась мне между ног, найдя меня мокрой.

— Боже, Жозефина.

Я начала извиваться, открывая себя ему.

Он опустился на колени, и когда его намерения стали ясны, я попыталась его предупредить.

— Прости, я должна сначала помыться, у меня не было возможности попасть в ванную, я очень...

Он меня перебил.

— Именно.

И он похоронил свое лицо у меня между ног. В киске, которую он растягивал и долбил своим членом и заливал своим семенем несколько часов назад.

Я откинулась на диване и широко раздвинула ноги. А он стоял на коленях, упиваясь сочащейся влажностью, которую сотворил, и это было божественно.

Все было гиперчувствительным, но его язык, казалось, знал, где давление было слишком, и он менял положение или темп. Мои руки были в его волосах, пока он не взял меня за запястья и не направил их мне на грудь. Я крутила и тянула соски, кричала, терлась о его лицо, мое тело искало освобождения.

Я текла, непристойно вдавливаясь в его рот, и он оказался больше чем равным мне по желанию, которое полностью вышло из — под контроля. Он положил руки на мою задницу, держа меня на месте, и его оральное нападение начало сосредотачиваться на моем клиторе. Он сосал его, похлопывал языком вниз и вверх, пока держал его между губ.

Оргазм ударил в меня быстро, вскипев неожиданно, и я непроизвольно попыталась оттолкнуть его, по мере того, как электричество, пронзающее мое тело, сделало мой клитор слишком чувствительным для дальнейших ласк.

Ему было все равно. Он проигнорировал мои попытки заставить его остановиться, и я никуда не могла убежать от его сильных рук, которые крепко держали меня.

Мои безумные, умоляющие глаза нашли его, но я не увидела в них пощады. Только чистую, животную похоть. Он хотел утолить жажду на алтаре моей женственности, и мое удовольствие было второстепенным. Он, как обычно, жестко контролировал мое тело.

Я извивалась, мои ноги поднялись и начали давить на его бедра, пытаясь оттолкнуть его, а мой голос умолял его смилостивиться, когда произошла интересная вещь.

Болезненная гиперчувствительность моей киски ослабла, и открылось что — то типа сексуального второго дыхания. Первый оргазм, который кончился слишком быстро, когда потряс все нервные окончания клитора, заревел в десять раз сильнее, сжигая боль и дискомфорт. Я закричала и вцепилась ему в голову. Он держал мои запястья, чтобы я не свалилась с дивана, не прекращая при этом почитать мою киску своим ртом.

Когда я перестала дрожать, то обмякла в его руках, мое тело — сексуальная пустота, полностью лишенная энергии, желания, нужды. Он притянул мое лицо к своему, тепло мне улыбаясь.

— Попробуй себя, Жозефина. Попробуй свой оргазм, — он властно поцеловал меня, заявляя, что последний кусочек моего существа, который мог от него ускользнуть, сейчас полностью завоеван.

Он проводил меня в ванную и включил горячий душ. Стянул штаны, освободив толстый, полу эрегированный член. Я с интересом рассматривала его, ведя пальцем по длине, пока мы стояли под обжигающей водой.

Джон заставил меня повернуться спиной, чтобы он смог нанести шампунь на мои волосы и помыть мое тело. Его руки были шероховатыми и сильными, и особенно хорошо они ощущались на моей голове, когда он смывал шампунь, который дороже, чем что — либо, что у меня когда — либо было.

Я держала его член в руке, пока он стоял позади меня, просто перекатывая его в ладони, чувствуя его вес, стимулируя его возвратно — поступательными движениями.

Когда я была чистой, он развернул меня и глубоко поцеловал, позволяя воде успокоить наши мышцы и смыть стресс, который мог быть после первых недель в университете.

— Позволь мне снова взять тебя, — прошептал он. — Под этой водой. Твое тело — это рай, Жозефина. Позволь мне заняться с тобой любовью, моя принцесса. Я хочу, чтобы тебе было хорошо.

Он поднял меня к скользкой стене душа, его руки под моей задницей, когда я обернула вокруг него ноги, позволил его члену легко проникнуть в меня. Он медленно толкался в меня, когда я обняла его за шею, хныкая от удовольствия и боли, что меня снова трахают.

— Мне нравится быть твоим папочкой, — рычал он мне в ухо. — Это так неправильно? Это заставляет меня кончать так сильно в эту молодую маленькую киску, детка. Самая тугая, которую я когда — либо имел. Я не хочу ничью другую. Я хочу трахать тебя всю оставшуюся жизнь.

Я закричала от оргазма, одного из самых сильных.

— Я люблю тебя, — сказала я. — Я люблю быть твоей. Твоей принцессой. Я не хочу, чтобы ко мне прикасался кто — то еще. Никогда.

Его толчки ускорились, когда он прижал меня к стене. Я знала, что он скоро кончит.

И это сделало меня счастливее, чем что — либо на свете.

Мы провели остаток дня на кухне, Джон разговаривал со мной, совершая последние манипуляции по приготовлению и раскладыванию его версии ужина на День Благодарения. К счастью, мы были одеты, пока готовили и ели, и все, что происходило между нами, бесчисленные оргазмы, поцелуи, трахи и минеты, было отложено на время.

Мы разговаривали об университете и политике, мой семье и любимых писателях, путешествиях; где мы оба побывали (он, казалось бы, *езде*, я — почти нигде) и где бы еще хотели побывать.

С ним было легко разговаривать, и когда мы съели самую вкусную индейку, какую я когда — либо пробовала, я сказала кое — что, что я знала, заставит меня пожалеть еще перед тем, как слова покинули мой рот. Но я ничего не смогла с этим поделать. Как бы странно ни было думать об этом или говорить, я была так далеко за пределами влюбленности, что не могла сдержаться.

— Джон?

Руки по локоть в мыльной пене, он повернул голову и посмотрел на меня своими невозможно красивыми глазами.

— Да?

— Я не знаю, как сказать это, или даже должна ли я это говорить, но я чувствую, что взорвусь, если не скажу что — то.

— Ты уверена, что не объелась индейкой? — пошутил он. — Потому что тебе нельзя

лопаться, пока ты не попробуешь мой пирог с пеканом. Это старинный семейный рецепт.

Я улыбнулась. — Нет, взорвусь не в этом смысле, хотя да, я определенно съела много, — сказала я, поглаживая живот. — Нет, то, что собралось взорваться — не мой желудок, а мое сердце. Я едва могу стоять рядом и не касаться тебя, не хотеть тебя поцеловать. Заняться любовью. Все за эти несколько дней... Все просто... Я не знаю, как это объяснить, но все теперь по — другому. Как будто совершенно новый мир открылся мне. Вещи, которые ты мне говоришь, которые ты делаешь с моим телом. Я чувствую, как будто попала в сказку или что — то вроде того. Я не знаю, как это, быть в кого — то влюбленным, я никогда не была, и я знаю, что не могу быть в тебя влюбленной, потому что ты не можешь чувствовать ко мне то же самое, но я просто...

Он поднял руку и оборвал меня на середине.

— Жозефина, — он вытер руки о кухонное полотенце и бросил его на стол, приблизившись и взяв мое лицо в руки. — Я люблю тебя. Правда. Я сказал это прошлой ночью, и я серьезно. Серьезнее, чем когда — либо. Несмотря на то, насколько неправильно это может быть, по тысяче причин, я люблю тебя. Может, ничего не получится, неважно, насколько сильно мне этого хочется или насколько сильно этого хочется тебе, но я чувствую это в любом случае.

Его слова достигли моего разума, его глаза смотрели прямо мне в душу, а его длинные, большие руки на моей коже посылали знакомое покалывание. Мои переживания растаяли. Я кивнула.

— Ты настолько... Я имею в виду, слишком..., — пробормотала я, слова повисли в воздухе.

— Что? Я настолько старше тебя? Это правда. Я старше. А ты студентка в университете, где я преподаю. И, похоже, *моя* студентка скоро. Не упоминая того факта, что я лучший друг твоего отца и что я знаю твою маму столько же лет. Это определенно скандал. Но что, если мы проигнорируем все эти вещи и сосредоточимся на том, что чувствуем здесь?

Он опустил правую руку к моей груди, похлопывая ей по моему сердцу. — Что если мы сделаем это?

Я взяла его руку в свою и сжала.

— Джон, если бы мне никогда не пришлось покинуть этот дом или спуститься с этой горы, я бы кинула всю одежду, которую привезла с собой, в камин и просто позволила бы тебе кормить меня вкусной едой и учить меня всему, что ты знаешь о политике и делать со мной все, что хочешь. И спустя много лет, я бы умерла счастливой, удовлетворённой старушкой. Но, к сожалению, реальный мир где — то там внизу, под снегом. Поэтому что нам делать? — спросила я.

— Я думаю, — он обдумывал слова, делая между ними паузы, — что у нас есть два с половиной дня здесь, чтобы узнать друг друга как любовники и взрослые. С тем, как падает снег, может быть дольше. Предлагаю — мы пользуемся этим длительным отпуском из «реального мира», и он поможет нам найти выход из сложившегося беспорядка, в который это, — он положил руку на мою поясницу, притягивая меня ближе, и потом он потянулся и прикоснулся открытой ладонью к моей заднице, сжимая ее, — привело нас.

Я закричала от того, как грубо он меня взял, извиваясь напротив него, мое тело реагировало на него на автопилоте, снова стоящего так близко ко мне.

— Жозефина, я знаю тебя всю жизнь. С самого детства было понятно, что ты вырастешь умопомрачительно красивой. И ты не знала, но твой отец и я разговаривали о тебе, о твоих

занятиях в университете и интересах. Он показал мне несколько твоих работ, эссе и прочее. Я обалдел. Я преподавал старшекурсникам, им не хватало глубокого понимания фундаментальной политической теории и истории, которое ты демонстрировала в бумагах, которые я читал, написанные тобой вначале старших классов. Я тобой восхищался. А потом очарование и изящество, с которым ты себя несешь. Я всегда хотел родиться на двадцать лет позже, чтобы я мог присоединиться к толпе, которая дерется, чтобы выиграть право ухаживать за тобой, встречаться, *претендовать* на тебя. Но я знал, что я никогда не смогу, что я проклят обожать тебя на расстоянии. У меня были любовницы, когда я путешествовал, но ни у кого не было того, что есть у тебя. Неопределимое *оно*. И если у женщины были интеллектуальные потребности, чтобы удержать мой интерес, то ей неизбежно не хватало физической привлекательности, чтобы возбудить мое ненасытное либидо.

— Тогда ты подошел.

— Я так много знал о тебе до вчерашнего дня, но только разговор, который у нас был по пути и за ужином в деревне, дал мне понять, что у меня проблемы. И как я сказал, когда я увидел твою *задницу*, — он выделил слово «задница», опять ударив по ней, позволив своей жадной руке задержаться там. Жжение от удара прошло прямо через мой позвоночник, вызывая знакомую дрожь, — Я был уничтожен. Я знал, что все безнадежно. Твой вид в штанах для йоги... мне пришлось тебя поцеловать. Ничто во Вселенной не могло бы меня остановить. Но если бы ты каким — нибудь образом сопротивлялась или дала повод для паузы, как бы сокрушительно это ни было, я бы остановился. Я люблю твоего отца, как брата, и я никогда не смог бы намеренно сделать ему больно. Но, Жозефина, я схожу с ума рядом с тобой. Каждое твое движение, простые вещи, например, смотреть, как ты пьешь вино, как рукава твоей толстовки спускаются ниже, чем нужно, а потом ты подтягиваешь их вверх, эти две маленькие родинки на твоём правом плече, *каждая*, блять, вещь в тебе сводит меня с ума. Я не извиняюсь, и я не могу притворяться, что не чувствую того, что чувствую.

Он поцеловал меня, и я растворилась в нем. Мы медленно сняли с себя одежду и занялись любовью снова, медленной, интимной, страстной любовью. Руки изучают, рты целуют, пробуют и кусают. Толчки были медленные и размеренные, глубокие и сильные, неторопливые. Он сказал, что любит меня, и я плакала сквозь последовавший оргазм, сжимая его спину, не желая, чтобы он кончался.

Мы сползали вниз по лестнице к джакузи, остановившись только, чтобы взять две ложки, пирог и ведро ванильного мороженого.

Снег перестал идти, но лежал на ветках, когда мы отмокали в джакузи и ели десерт прямо из посуды для духовки. Он был прав, я никогда ничего подобного не пробовала.

Когда мы не отважились больше сидеть в воде, чтобы не съезжиться от холода, как изюм, мы решились выйти в холод, чтобы перебраться в большую спальню.

Наши объятия превратились в поцелуи, и я почувствовала, как к моей ноге прижимается его член.

— Джон! Я думала, у мужчин твоего возраста есть определенные *ограничения*. Как ты это делаешь? — спросила я, взяв его в руку и чувствуя мышечный трепет, который я так любила.

— Ты вся Виагра, которая могла бы понадобиться любому мужчине, Жозефина. Твое тело делает это со мной. Повернись, я хочу снова быть в тебе.

Я перевернулась, позволив ему лечь впритык, его член скользил во мне сзади, мы лежали боком. Его руки исследовали мою спину и легли на соски.

— Мне так, так больно. Я не знаю, сколько я способна принять, — мягко умоляла я.

— Что болит, Жозефина? Скажи конкретно.

Он держал мои бедра, входя в меня, заставляя меня жалобно мяукать.

— Моя киска. Моя киска, папочка. Она так болит из — за тебя. Она такая чувствительная.

Он мощно толкнулся в меня, три раза, потом застыл, пока говорил мне прямо в ухо. — Эта киска единственная, которую я трахаю, она принадлежит *мне*. Не так ли?

Я поморщилась от его толчков, но его слова были бальзамом. Если она его, какая разница, что было больно? Что было важно, это его большой, красивый член. Удовлетворять его. Заставлять его кончать.

— Да. Да! — закричала я, когда он внезапно увеличил темп, рука обернулась вокруг моего горла, другая была на бедре, потирая эту особую, тайную точку. Он крепко прижал меня к себе, наши тела таяли.

Он быстро кончил, и мы уснули прямо так, моя голова у него на бицепсе, его колено прижато к моей ноге, и его член во мне.

Лучшие тридцать шесть часов моей жизни подошли к концу.

Глава 8

Мы не трахались всю пятницу. Изнеможение взяло верх, и мы оставались в постели почти до полудня. В тот вечер мы немного погуляли по заснеженным тропинкам, смеясь и заигрывая. Он приготовил пасту на ужин, и мы вместе смотрели фильм Кларка Гейбла, лежа в объятиях друг друга на его плюшевом диване.

Буря полностью прекратилась, и к субботе все дороги были очищены. Мы ходили по антикварным магазинчикам после полудня, и субботним вечером он сделал мне восхитительный массаж, который кончился его пульсирующим членом, наполнившим меня тем, чего так отчаянно хотело мое тело — его спермой.

Первый раз, когда он кончил в меня, тоненький голосок внутри закричал, что я слишком безответственная. Однако экстаз момента утопил этот голос в какофонии стонов и криков.

Я начала грезить о том, как он наполнял меня, о том, чтобы всегда иметь его внутри, неважно, где он или чем он занят. Эти мысли неизбежно обращались к возможности и практической гарантии моей неминуемой беременности. Если конечно у Доктора Хардвика не было вазектомии, о которой я не знала, продолжение этого совместного пути могло привести к чему — то, что сделало бы наше сокрытие отношений совершенно невозможным.

Мы решили, что в ближайшее время нам лучше молчать. Я еще не была уверена, как сказать родителям, а появление испорченного штатного профессора, трахающего одну из его студенток, осветило бы нас обоих нежелательно ярким светом прожектора.

Воскресным утром он разбудил меня своим языком. Я уснула на животе, что он принял как приглашение. Я никогда не была жаворонком, но это будильник, к которому я бы определенно могла привыкнуть. Я извивалась и цеплялась за простыни, когда кончала три раза перед тем, как он дернул меня за бедра и вошел сзади. Я потеряла счет оргазмам, пока пыталась держаться за свою жизнь. Он безжалостно врезался в меня, оставляя синяки на задней поверхности моих бедер. Но оно того стоило.

Он повез меня обратно в общежитие тем же вечером, и в нескольких милях от города мы насладились жарким сексом. Мы проехали мимо его квартиры, где планировали

провести много времени в ближайшие недели перед тем, как я уеду домой на Рождественские каникулы.

Алекса была внизу, разговаривая с другом, когда он высадил меня, и она заметила меня, прежде чем я ее.

— О Боже мой, Джо, насколько жестким он был? — спросила она, пока шла через холл ко мне.

Я должно быть густо покраснела, потому как несколько девушек остановились и уставились на меня. Сама воспитанность.

— Что? — переспросила я, притворяясь, будто не имею ни малейшего понятия, о чем она говорит.

— Ты идешь так, как будто или была на заезде Кентукки Дерби, или тебя оттрахали до беспамятства. Выкладывай!

— Ты. Сошла. С ума, — ответила я. — Как у тебя с Грэхемом?

— Тьфу. Он отстой. Мы зависали с Трэвором и кучкой моих друзей из школы, а он всю ночь ухлестывал за Джилл ебаной Сандерс.

— Кто такая Джилл Сандерс? — спросила я, пока мы тащились наверх.

— Только самая известная шлюшка в моем городе. Так что все кончено между Грэхемом и мной. Я все равно подцепила парня из школы прошлой ночью. Но сейчас я должна услышать про тебя и Горячего Профессора. Как я сказала внизу — выкладывай!

Мы зашли в комнату, бросив сумки и завалившись на кровати.

— Ну, мы повеселились, это все, что я могу сказать. У меня были прекрасные выходные. Мне жаль насчет Грэхема.

— Грэхем — шмэхем, — ответила Алекса, прыгая через комнату и падая на мою кровать, она подперла руками голову в шести дюймах от моего лица, глупо улыбаясь. — Расскажи мне *все*.

Я сдалась. — Но это все очень большой, пребольшой секрет. Как если бы ты поклялась хранить секрет под страхом выплаты пятидесяти фунтов к весенним каникулам.

— Идет. Зуб даю.

Я продолжила рассказывать Алексе во всех подробностях и деталях о моих выходных с Джоном. К тому времени как я закончила, Алекса обмахивалась.

— Окей, теперь мне нужно сменить трусики. Святой Боже, Джо. У него есть коллеги которые выглядят также как он, готовят как он и трахаются как он?

— У него есть ассистент, я могу тебе его представить. Лучшее, что я могу предложить в данной ситуации, — пошутила я, зная, что она и за миллион лет не заинтересуется Аароном Руни.

— Нет, я думаю, мне нужен зрелый мужчина. Я думаю, около сорока самое то. Красавчик, большой член, бесконечные оргазмы. Кто — то типа того, — протянула она, вставая и уходя к чемодану, чтобы начать распаковывать.

— Я буду держать глаза и уши наготове, — сказала я.

— Херня. Ты будешь слишком занята, потрахиваемая хорошим профессором, чтобы заботиться о таких никчемных людях, как я, — пошутила Алекса.

Она мало что знала.

Доктор Хардвик уехал в Лондон на каникулах, и Рождество спокойно прошло у Фолкнеров. Мой брат и его новая девушка приехали домой, и она мне правда понравилась. Как и обещалось, Санта был очень добр ко мне, так что у нас дома был след из снега утром

на Рождество.

Во время обеда я поняла, что у меня задержка.

Я приписала это к стрессу от учебы и путешествий, но Джон и я постоянно трахались, а предусмотрительность всегда была позади похоти.

Тест на беременность, который я сделала по возвращению в общежитие подтвердил мои опасения. Сначала я заставила Алексу посмотреть его, и то, как она сообщила мне, было как раз в ее стиле.

— Похоже, в следующем году мне нужно искать новую соседку. Моя сторона комнаты понадобится тебе как детская.

Мы смеялись и плакали, обнимались и танцевали, и я совсем не нервничала до тех пор, пока не стало нужно сообщить Джону.

Он приготовил вкусное блюдо из лосося, и заметил, что хотя я ем как обычно, я не притронулась к вину, выбрав вместо него воду.

— Тебе не нравится вино, Принцесса? — спросил он между укусами.

— Я уверена, что оно мне понравится. Ты гениально сочетаешь еду и вино. Но я не могу его пить, — я вздохнула, очень нервничая. — Я не знала, как сказать тебе, но может быть, это Божественное Провидение. Джон, я беременна.

Он перестал жевать, вздохнул и вытер губы салфеткой. Не говоря ни слова, он встал и ушел из комнаты. Я была в ужасе.

Он вернулся с улыбкой во взгляде и встал передо мной на одно колено.

— Жозефина Изабель Фолкнер, в жизни, наполненной приключениями, славой и удачей, благословишь ли ты меня в этот счастливейший момент моей жизни, согласившись провести со мной остаток своей жизни?

Он протянул кольцо, прекрасный алмаз в простой платиновой оправе.

Я была слишком ошеломлена и обрадована, чтобы ответить, так что он спросил снова, более простыми словами.

— Ты выйдешь за меня?

Сквозь слезы счастья, я упала в его объятия.

— Да, да, да, да, я никогда не перестану говорить тебе «да», Джон! Я так сильно тебя люблю!

Его идея празднования нашей помолвки сводилась к облизыванию моей киски всю ночь напролет. Я не уверена, какая именно часть заставила Алексу завидовать; камень или оргазмы.

Все, что оставалось сделать, это сказать моим родителям, и на выходные Джон привез меня домой с неожиданным визитом.

Мама и папа были дома, загружая посудомоечную машину после их пятничного мясного рулета, когда мы подъехали. Я испытывала противоречивые эмоции насчет того, как они отреагируют. Я могла видеть любой исход событий; Джон или будет принят в семью с распростертыми объятиями, или он покинет дом в машине скорой помощи.

Я обошла дом, входя внутрь, застав маму в процессе. Они были немного сбиты с толку, но обрадовались, когда поняли, что мы оба приехали, и мы вывалили на них новости после того, как папа и Джон сходили в гараж, чтобы выбрать пиво из холодильника, который папа наполнил бутылками, полученными в подарок от мини — пивоварен на праздники.

Они вернулись с двумя бутылками легкого пива из Мэна, которое папа недавно для себя обнаружил и полюбил.

— Чему обязаны этим неожиданным приездом? — спросил папа. — Мне нужен повод для тоста, так что это?

Джон взял инициативу, потянувшись к моей руке и взяв ее в свою.

— Боб, Венди, у нас есть новости.

Мои родители выглядели явно озадаченными, казалось, словом «нас» даже больше, чем тем, что Джон взял меня за руку.

— Вы будете бабушкой и дедушкой. Я знаю, все это очень странно, и это удивляет меня больше всего, но мы с Жозефиной любим друг друга. Я попросил ее выйти за меня замуж. Я должен был спросить сначала вас, но все произошло слишком быстро, и я чувствую к ней то, что ни к кому в своей жизни не чувствовал. Так что, к сожалению, после того, как я спросил ее, я пришел просить у вас руки вашей дочери. Но я также пойму, если ты захочешь...врезать мне, — Джон нервно посмотрел на моего отца. Папа стоял с каменным лицом.

Мои родители молчали, и мама взяла бутылку у папы из руки и сделала большой глоток пива.

Они посмотрели друг на друга испытующим взглядом, как будто ожидая найти ответы, написанные на лицах.

Отец встал и вышел в гараж, и я испугалась, что он вернется с бейсбольной битой. Вместо этого он принес третью бутылку пива и бутылку яблочного сока.

Он снова сел и открыл обе бутылки, убедившись в том, что нам всем есть что выпить. Он вытер слезы со щеки и глотнул пива.

— Я не могу придумать тоста лучше, чем за людей, которых я люблю больше всех в этом мире, которые нашли свое счастье. Джо, если ты можешь сделать этого мужчину напротив меня таким же счастливым, каким твоя мама сделала меня, я тоже буду очень счастлив. А ты, Джон, заботься о моей маленькой девочке. Мне не нужно напоминать тебе, что мы были соседями по комнате в Мултри, и я знаю, где собака зарыта.

Я была в шоке. Это было не то, что я ожидала.

Но, казалось, так с этим Профессором было всегда.

Мы все посмеялись над ужасным чувством юмора папы, и провели вечер, объясняя, как мы смогли влюбиться друг в друга так быстро и сильно, обойдя стороной, конечно, грязные детали.

Весенние каникулы будут включать в себя спешно запланированную свадьбу, прежде чем все станет понятно.

Алекса была в ярости из — за того, что я не смогу поехать с ней в Панаму, у меня были планы получше. Гавайский медовый месяц (и лялькиный месяц). Клише, но я не могу дождаться.

Жозефина Изабель Хардвик.

Может быть, однажды *Профессор* Жозефина Хардвик.

В конце концов, кажется, все мои мечты сбываются. Почему бы не еще одна?

****КОНЕЦ****

Больше книг на сайте — Knigolub.net